

«Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева»

**Научная конференция
с международным участием**

*Москва, Институт востоковедения РАН,
зал заседаний ученого совета
11 – 13 октября 2023*

ОРГКОМИТЕТ
научной конференции
«Эпиграфические чтения памяти
Д.Д. Васильева»

В.В. Наумкин, академик РАН, д. и. н., научный руководитель
ИВ РАН

А.К. Аликберов, д. и. н., директор ФГБУН ИВ РАН

Н.Г. Романова, к. и. н., зам. директора ФГБУН ИВ РАН

А.Д. Васильев, к. и. н., зав. Отделом истории Востока ФГБУН
ИВ РАН, *секретарь Оргкомитета*

Т.А. Аникеева, к. филол. н., рук. Центра арабских и исламских
рукописей им. Шейха Зайда ФГБУН ИВ РАН

О.М. Курникова, к. и. н., с. н. с. Отдела истории Востока
ФГБУН ИВ РАН

М.А. Лебедев, к. и. н., с. н. с., рук. Центра археологии Нильской
долины ФГБУН ИВ РАН

Ю.И. Дробышев, к. и. н., с. н. с. Отдела истории Востока
ФГБУН ИВ РАН

Д.М. Тимохин, к. и. н., с. н. с. Отдела истории Востока
ФГБУН ИВ РАН

А.С. Лапшин, к. и. н., н. с. Отдела истории Востока ФГБУН
ИВ РАН

Секретариат конференции

Д.З. Шаряфетдинова, лаб.-исс. Отдела истории Востока
ФГБУН ИВ РАН

Д.В. Якунина, лаб.-исс. Отдела истории Востока ФГБУН ИВ
РАН

11 октября 2023 г.

10.00–11.00. Регистрация участников

**11.00. Открытие конференции. Зал заседаний
ученого совета Института востоковедения РАН**

Приветственные выступления:

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН, д. и. н.,
научный руководитель Института востоковедения РАН

Аликберов Аликбер Калабекович, д. и. н., директор Инсти-
тута востоковедения РАН

Романова Наталья Геннадьевна, к. и. н., зам. директора
Института востоковедения РАН

Васильев Александр Дмитриевич, к. и. н., зав. Отделом
истории Востока Института востоковедения РАН

11.30–12.50. Пленарное заседание.

Регламент выступления – 20 минут

Модератор: А. Д. Васильев

Кормышева Элеонора Ефимовна, д. и. н., г. н. с. Отдела исто-
рии и культуры Древнего Востока Института востоковедения
РАН:

«Египетский диалект Нубии. Исследование эпиграфики».

Беляев Дмитрий Дмитриевич, к. и. н., доцент Мезоамери-
канского центра им. Ю. В. Кнорозова исторического факультета
РГГУ, с. н. с. Института этнологии и антропологии РАН:

*«Иероглифическая надпись на стеле 7 из Йашихи (Гватем-
мала): новые данные о династической истории царств майя
Петена в V–VI вв.».*

Бобровников Владимир Олегович, к. и. н., в. н. с., заведующий
Центром Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья

Института востоковедения РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ;

Закарияев Замир Шахбанович, д. и. н., профессор кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета:

«Историко-правовые памятники мусульманского общинного права в надписях Южного Дагестана XIV – начала XX вв.: классификация и формуляр по итогам полевых обследований».

Столяров Александр Александрович, к. и. н., с. н. с. Отдела искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН:

«Построение схемы записи формуляра жалованных грамот династии Гахадавала (Северная Индия, XI–XII вв.)».

12.50–13.10. Кофе-брейк

13.10–15.30. Первое заседание.

Секция «Тюркская эпиграфика».

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: Д. М. Тимохин

Белек Кайрат, PhD, к. и. н., ст. преп., и. о. доцента Кыргызско-Турецкого университета «Манас»:

«Новые сведения о памятниках письменности на южном побережье Иссык-Куля».

Гайнутдинов Айдар Марсилевич, к. ф. н., с. н. с. Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан:

«Аяты Корана, написанные на татарских надмогильных памятниках XIII – начала XX вв.».

Понарядов Вадим Васильевич, к. филол. н., с. н. с. Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН:

«Надпись на солтыковском блюде из Прикамья и орхон-енисейская руника».

Тишин Владимир Владимирович, к. и. н., с. н. с. Отдела истории Востока Института востоковедения РАН:

«О выражении bars tūgim-ū в древнетюркской рунической надписи Алтын Кёль I».

Туранская Анна Александровна, к. филол. н., исследователь-стажер Института лингвистических исследований РАН:

«Эстампажи А. В. Адрианова в фонде Центральной Азии и Сибири ИВР РАН».

Усеинов Мемедула Адилович, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан:

«Элементы оформления датированных мусульманских эпиграфических памятников г. Солхат/Кырым».

Лапшин Андрей Сергеевич, к. и. н., н. с. Отдела истории Востока Института Востоковедения РАН.

Лапшина Ирина Юрьевна, к. и. н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»:

«Амулет с арабографической надписью XIV в. из раскопок на Водянском городище».

15.30–15.50. Кофе-брейк

15.50–18.50. Второе заседание.

Секция «Эпиграфика Кавказа»

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: Д. М. Тимохин

Giunashvili Helen, PhD, senior researcher G. Tsereteli Institute of Oriental Studies/Ilya State University:

«Academician K. Tsereteli – Researcher of the Old Aramaic Epigraphy of Georgia».

Абдулмажидов Рамазан Султанович, к. и. н., *руководитель Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН:*

«Новые эпиграфические источники из юго-западного Дагестана».

Васильев Михаил Евгеньевич, с. н. с. Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова:

«Надгробная эпиграфика горских евреев в Южном Дагестане: материалы полевых исследований Центра "Сэфр"».

Закарияев Замир Шахбанович, д. и. н., профессор кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета.

«Арабская эпитафия 1382 г. из Дербента (новое прочтение)».

Кашовская Наталья Васильевна, к. и. н., зав. отделом «Религии Востока» Музея истории религии:

«Эпиграфические особенности еврейских эпитафий Южного Дагестана (на полевых материалах)».

Магомедова Хадижат Магомедовна, бакалавр факультета востоковедения Дагестанского государственного университета.

«Новооткрытая арабская строительная надпись 1716 г. из дагестанского селения Урари».

Хапизов Шахбан Магомедович, к. и. н., с. н. с. отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН:

«Грузинографическая надпись из Геничутля».

Хапизов Шахбан Магомедович, к. и. н., с. н. с. отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич, н. с. отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН:

«Иранские имена личные в средневековой эпиграфике Нагорного Дагестана».

Хапизов Шахбан Магомедович, к. и. н., с. н. с. отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН;

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич, н. с. отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН:

«Средневековая арабоязычная эпитафия из Хунзаха как исторический источник».

19.00. Фуршет

12 октября 2023 г.

11.00–13.20. Третье заседание.

Секция «Эпитафия Египта»

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: Э. Е. Кормышева

Барсуков Евгений Олегович, методист Центра египтологии РГГУ:

«Проблема датировки новой формы названий царских поминальных храмов в Фивах».

Демидчик Аркадий Евгеньевич, д. и. н., профессор кафедры Древнего Востока ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; профессор кафедры всеобщей истории ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»:

«Формула "я хоронил не имеющего сына" и подобные ей в древнеегипетских кладбищенских жизнеописаниях Старого и Среднего царства».

Лаврентьев Николай Вадимович, м. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН:

«К вопросу о датировке текстов проклятий Среднего царства».

Лебедев Максим Александрович, к. и. н., с. н. с., руководитель Центра археологии Нильской долины Института востоковедения РАН:

«Архитектурные памятники Натакамани и Аманиторе в контексте эпитафических источников: проблемы локализации и датировки».

Тимофеев Владимир Сергеевич, студент магистратуры
Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ;

Хижнякова Станислава Олеговна, студент бакалавриата
Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ;

«Принципы передачи личных имён в двуязычных греко-финикийских надписях».

Чиж Никита Сергеевич, лаб.-исс. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН:

«Идеограмма тSa (A12): идеография и детерминация».

Ярмолович Виктория Игоревна, к. и. н., н. с. Центра египтологических исследований РАН;

Макеева Наталья Валентиновна, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета:

«Исследование надписей и изображений на кальцитовых канопах из гробницы вельможи Чаи (ТТ 23) в Луксоре».

13.20–13.40. Кофе-брейк.

13.40–15.40. Четвертое заседание.

Секция «Эпиграфика Китая»

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: **Ю. И. Дробышев**

Березкин Ростислав Владимирович, PhD, к. филол. н., с. н. с. Института гуманитарных исследований Фуданьского университета (Шанхай, КНР); с. н. с. Института востоковедения РАН:

«Культ "почтительного сына" Чжоу в эпиграфике уезда Чаншу пров. Цзянсу (Китай) XIV–XVII вв.».

Дубровская Динара Викторовна, д. и. н., в. н. с., зав. Отделом искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН:

«Эпитафия Маттео Риччи (1552–1610) на кладбище Чжалань: краткое резюме жизни миссионера».

Колнин Илья Сергеевич, м. н. с. Отдела Китая Института востоковедения РАН:

«Жанр эпитафий (мужжимин 墓志銘) в минском Китае на примере эпитафий участников экспедиций Чжэн Хэ (1405–1433)».

Куликов Дмитрий Евгеньевич, к. и. н., с. н. с. Отдела Китая Института востоковедения РАН:

«Шанские гадательные надписи из восточного сектора Хуаюаньчжуан (Иньсюй) и трудности их интерпретации».

Сафин Тимур Альфредович, к. и. н., н. с. Отдела Китая Института востоковедения РАН; доцент кафедры всеобщей истории ИОН РАНХиГС:

«Знаки на неолитической керамике Китая в контексте надписей на керамике из Иньсюя: к вопросу о маркерах письменности».

Целуйко Максим Сергеевич, аналитик Экспертно-аналитического центра Восточной и Юго-Восточной Азии Института Китая и современной Азии РАН:

«Циньские надписи на бронзе и формирование циньской государственности».

15.40–16.00. Кофе-брейк.

16.00–17.00. Пятое заседание.

Секция «Эпиграфика Индии и ЮВА».

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: А. А. Столяров

Гожева Наталия Анатольевна, кандидат искусствоведения, г. н. с., хранитель постоянных экспозиций искусства Юго-Восточной Азии, Японии и Кореи Государственного музея Востока:

«Особенности "лаковой эпиграфики" Мьянмы (на материале коллекции Государственного музея Востока)».

Зайцев Иван Алексеевич, м. н. с. отдела Индоокеанских исследований ИМЭМО РАН:

«"Бирманское" летоисчисление в надписи царя Харикелы Деватидевы: исследование текста и критика историографии».

Тарасюк Ярослав Викторович, к. и. н., торговый представитель Российской Федерации в Эфиопии:

«Надобщинная структура наду в южноиндийском царстве Паллавов по данным эпиграфики».

13 октября 2023 г.

11.00–13.20. Шестое заседание.

Секция «Эпиграфика Мезоамерики».

Регламент выступления – 15 минут, обсуждение – 5 минут.

Модератор: Д. М. Тимохин

Давлетшин Альберт Иршатович, к. и. н., с. н. с. Института восточных культур и античности РГГУ:

«Таблицы как основная коммуникативная стратегия астекских иероглифических текстов».

Давлетшин Альберт Иршатович, к. и. н., с. н. с. Института восточных культур и античности РГГУ:

«Эпиграфический памятник из Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос в Этнологическом музее г. Берлина».

Борисова Галина Александровна, м. н. с. Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ):

«Надписи в теотиуаканском стиле на сосудах из озера Аматылан (Гватемала)».

Вепрецкий Сергей Викторович, м. н. с. Отдела Америки, ИЭА РАН; м. н. с. Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ):

«Анализ Стелы 77 из Калакмуля (штат Кампече, Мексика)».

Науменко Ян Александрович, к. физ.-мат. н., независимый исследователь (Санкт-Петербург):

«Таблица из Шультуна: эпиграфический ключ к лунному календарю индейцев майя».

Сафронов Александр Владимирович, к. и. н., доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова:

«Топонимика области Верхней Усумасинты по эпиграфическим памятникам древних майя».

Секачева Дарья Сергеевна, м. н. с. Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ):

«К вопросу о придворном титуле на панели К'ан-Ток (Паленке, Мексика)».

13.20–13.30. Подведение итогов и закрытие конференции.

13.30. Заключительный кофе-брейк.

Тезисы докладов участников конференции

Проблема датировки новой формы названий царских поминальных храмов в Фивах

Барсуков Е. О.,
РГГУ, Центр египтологии (Москва)

Эпоха Нового царства – это время стремительного развития египетской религиозной мысли. Процессы, происходившие в этой плоскости, влияли и на идеологию царской власти. При этом установление датировок появления новых или переосмысления старых идеологических концепций бывает затруднено скудностью источниковой базы, противоречивостью сохранившихся данных. Подобная ситуация наблюдается в вопросе датировки изменения названий царских поминальных храмов в фиванском регионе. Эпиграфический материал предоставляет в этом случае наиболее точные данные.

Еще в первом крупном поминальном сооружении западных Фив – храме Ментухотепа Небхептра – значительная роль принадлежала Амону. В храмах XVIII династии связь заупокойного культа царя с Амоном только усиливалась и прорабатывалась, достигнув своего пика в раннерамесидское время. Одним из маркеров этого процесса можно считать изменения в названиях храмов, следовавшие общей тенденции снижения сакральности царской персоны. Традиционным для XVI–XIV вв. до н.э. было, например, *Mn-st* – «упроченное место» или «незыблемое место», что весьма напоминает названия пирамидных комплексов Древнего царства, к примеру, *Mn-swt Ni-wsr-R'* – «Незыблемы места Ниусерра». Первое святилище XIX династии – храм Сети I в Курне – уже имеет новую структуру, в которой присутствует добавление *m pr Imn* в доме Амона. Святилище именовалось *ḥwt-ntr 3ḥ Sthꜣ-mr-n-Pth m pr Imn ḥr imnt W3st* «Храм духа Сети Мернептаха в доме Амона на западе Фив». Проблема датировки связана с тем, что от последнего храма XVIII династии – святилища Тутанхамона-Эйе-Хоремхеба – сохранилось несколько вариантов названия, зафиксированных на фрагментах хозяйственных

построек, пробках винных сосудов и остраконе времени Рамсеса III, что не позволяет точно сказать, ввел ли Сети новую конструкцию в название храма или же это было сделано при последних царях предыдущей династии.

В докладе будет рассмотрена проблема нескольких вариантов названий и, опираясь на данные эпиграфики, предложена датировка изменений идеологической парадигмы.

Новые сведения о памятниках письменности на южном побережье Иссык-Куля

*Белек Кайрат,
к. и. н., ст. преп., и. о. доцента, Кыргызско-Турецкий
университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан*

В докладе рассматриваются тексты, обнаруженные на посетительских и надгробных памятниках на южном побережье Иссык-Куля во время археолого-археографических экспедиций. При этом особое внимание уделяется вновь обнаруженному Тосорскому памятнику, который представляет собой яркое свидетельство существования института икта.

Посетительская надпись, начертанная на поверхности валуна, обнаруженного на пастбище недалеко от села Тосор Джеты-Огузского района, примечательна тем, что, хотя текст написан на тюркском языке, но выполнен с использованием арабской графики (Рис. 1). Перевод текста гласит: «Я Қар[а] Хасан Сокмен! Отправляю войско к Чагры. Сильное войско. Я поклоняюсь тебе, о Кут-[Те]нгир! Я Мас'уд Алб принял (войско). Да благословит [меня] [Те]нгри! Аминь!». Здесь речь идет о поставке войска караханидскому военачальнику Чагры со стороны местного иктадара (государственный чиновник-землевладелец) Қара Хасана Сокмена через посыльного Чагры по имени Масуд Алб. Таким образом, содержание настоящего текста проливает свет на некоторые военно-политические события в Караханидском государстве.

Представляется, что в данном случае речь идет о политической ситуации в Семиречье после смерти караханидского правителя Қадыр-хана Юсуфа в 1032 г., когда на трон сел его старший сын Богра-тегин Сулейман, принявший титул Арслан-хана. В то же время в Таласе и Исфиджабе стал править с титулом Богра-хана второй сын Қадыр-хана Юсуфа Яган-тегин Мухаммед. Через некоторое время отношения между Арслан-ханом и его братом приняли враждебный характер. В 1056 г. Богра-хан взял в плен Арслан-хана и захватил его владения, но через два года он был отравлен своей женой. По мнению В. В. Бартольда, убийство его было связано с тем, что он хотел назначить наследником своего старшего сына Чагры-тегина Хусейна, тогда как царица желала возвести на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Не исключено, что упомянутый в тексте Қара Хасан Сокмен отправил войско именно этому Чагры-тегину, который оспаривал право на престол у своего племянника Ибрахима. Тем более что при описании этих событий В. В. Бартольд со ссылкой на труд Бейхаки упоминает некоего Секменского владетеля.

Следует отметить, что, хотя отдельные памятники написаны с использованием арабской графики, в содержании текстов прослеживается культурная преемственность между носителями древнетюркских традиций и мусульманской культуры. Это проявляется в датировке некоторых текстов в соответствии с древнетюркским календарем, а также когда вместо Аллаха упоминаются древнетюркское божество Тенгри и даруемое им счастье – Қут.

Рис 1. Караханидская посетительская наскальная надпись. Тосор. Иссык-Кульская область (Фото из книги Табалиева и Белека, прорисовка К. Белек)

**Иероглифическая надпись на стеле 7
из Йашхи (Гватемала): новые данные
о династической истории царств майя Петена в V–VI вв.**

Беляев Д. Д.,

к. и. н., доцент,

*Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова,
исторический факультет РГГУ, доцент,
Институт этнологии и антропологии РАН,
старший научный сотрудник (Москва)*

Йашха – один из городских центров майя классического периода (III–IX вв.), расположенный на берегу оз. Йашха и бывший столицей крупного царства Йаша, династическая история которого практически неизвестна из-за плохой сохранности иероглифических текстов.

Корпус монументов Йашхи включает 42 резных и гладких стелы и несколько алтарей, которые были распределены между различными архитектурными комплексами. Стела 7 располагалась у подножия Северного акрополя, однако Н. Хельмут полагает, что она была перемещена туда в постклассическое время (XIII–XVI вв.). Монумент был найден Т. Малером в 1904 г. расколотым и лежащим на земле, сохранилась лишь нижняя часть (135 см в высоту, 78 см в ширину и 43 см в толщину). В 1914 г. скульптура была обследована и сфотографирована С. Морли. В 2005 г. стела была похищена с городища грабителями, и с тех пор ее местонахождение неизвестно.

Монумент изначально представлял собой обработанный со всех четырех сторон монолит, от которого сохранились три фрагмента. На лицевой и боковых сторонах были высечены три стоящих фигуры, на обороте – иероглифическая надпись. Такой формат напоминает стелы Тикаля второй половины V – первой четверти VI вв. (стелы 40, 23, 25 и 14). С. Морли оценил оригинальный объем надписи приблизительно в 40 иероглифических

блоков, организованных в две колонки по 2 столбца каждая, от которых сохранилось лишь 8 полных (конец первой колонки) и 5 частичных (иероглифы первого столбца второй колонки). Поскольку начало текста с хронологической формулой не сохранилось, стелу датировали раннеклассической фазой на основании палеографических черт и общего формата.

До настоящего времени надпись на стеле 7 не была объектом специального анализа. При публикации линейной прорисовки надписи и изображения на стеле Н. Грюбе отказался от какого-либо комментария. В 2007 г. А. Токовинин обратил внимание на то, что в тексте встречается имя Цик'ин-Балам, и предположил, что это имя местного правителя.

Сравнение фотографий С. Морли, фотографий К. Х. Майера 1987 и 1992 гг., фотографий А. Токовинина 2004 г. и прорисовки Н. Грюбе показывает, что в надписи сообщается об установке стелы царем Йашхи, именной иероглиф которого пока не может быть с уверенностью прочитан. Он был внуком по женской линии Цик'ин-Балама, которого без сомнений можно отождествить с саильским царем Цик'ин-Баламом, упомянутым на стеле 45 из Наранхо и бывшим тестем тикальского царя К'ан-Читама (434 – ок. 485). В VIII в. Саиль и Йашха активно боролись за гегемонию в восточной части Центрального Петена, однако, судя по надписи на стеле 7, в более раннюю эпоху два соседних города находились в союзнических отношениях. Правитель Йашхи также оказывается двоюродным братом тикальского владыки Чак-Ток-Ич'ака III (485–508), что позволяет отнести Йашху в сферу тикальской гегемонии.

Культ «почтительного сына» Чжоу в эпиграфике уезда Чаншу пров. Цзянсу (Китай) XIV–XVII вв.

Березкин Р. В.,

к. филол. н., PhD, старший научный сотрудник,

Институт гуманитарных исследований

*Фуданьского университета (Шанхай, КНР) / старший
научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва)*

«Почтительный сын Чжоу» (Чжоу сяо-цзы 周孝子, личное имя – Чжоу Жун 周容) является одним из наиболее популярных местных божеств района Чаншу провинции Цзянсу в Китае. Его культ зародился в XIII в., Чжоу Жун был обожествлен вскоре после смерти в качестве образца традиционных конфуцианских ценностей; в то же время его культ распространен в Чаншу вплоть до настоящего времени. Развитие культа Чжоу отражено в эпиграфических надписях в его честь, которые сохранились в собраниях сочинений местных литераторов, а также часто цитируются в местных историях (дифанчжи). Старейшая сохранившаяся надпись на стеле в его храме относится к 1389 г., когда этот культ получил официальное признание властей, что придало ему новый статус. Эпиграфические надписи из нескольких храмов Чжоу в районе Чаншу, относящиеся к XV–XVII вв., прославляют чудеса, которые явило божество, а также представляют популярные аспекты его культа, связанные с предсказаниями, врачеванием и т.д. Также эпиграфика содержит первые записи сюжета о Чжоу и его жене, который стал очень популярным в местной народной литературе. Таким образом, эпиграфика отражает сочетание официальных и протонародных аспектов в развитии и распространении культа Чжоу в этой местности. При сопоставлении ее с другими местными историческими источниками выявляется большая ценность эпиграфики для изучения истории локальных культов в Китае в позднимператорский период.

**Историко-правовые памятники мусульманского
общинного права в надписях Южного Дагестана
XIV– начала XX вв.: классификация и формуляр
по итогам полевых обследований**

Бобровников В. О.,

*к. и. н., профессор, Институт востоковедения РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ,
заведующий Центром, ведущий научный сотрудник (Москва)*

Закарияев З. Ш.,

*д. и. н., профессор, кафедра востоковедения Дагестанского
государственного университета (Махачкала)*

Еще в середине XX в. в Южном Дагестане были обнаружены единичные юридические документы политических образований горцев-мусульман XIV в., сохранившиеся на арабском языке в надписях джума-мечетей (Худуцкая, Курахская и Аштынская стелы). Самые поздние правовые акты З. Ш. Закарияев нашел в мусульманской эпиграфике XIX – начала XX в. (вакфные записи). За прошедшее с тех пор время в научный оборот введено немало надписей, судя по нашим полевым наблюдениям, обладавших юридической силой на протяжении длительного времени. Накопленные данные позволяют уточнить их место в общей классификации дагестанской и – шире – северокавказской эпиграфики. Это будет сделано в докладе.

Мы выделяем записи юридических актов на камне в отдельную категорию. Они отличаются характерным формуляром, мало изменившимся за пять веков от ранней послемонгольской эпохи до включения Восточного Кавказа в состав Российской империи, когда в 1860-е гг. эти документы потеряли юридическую силу. По содержанию они включают: постановления союзов сельских общин (‘аскар, нахийя), а позднее отдельных

общин-джама'атов; договоры (иттифак) этих союзов с правителями ханств Горного Дагестана; фиксацию границ владений или преимущественных прав отдельных групп населения. Встречаются также завещания (например, вакфные) и иные акты, фиксирующие имущественные права мусульманских сообществ и их членов по шари'ату.

В изучении правового формуляра юридических надписей помогают однотипные с ними рукописные документы, массово сохранившиеся в частных и государственных собраниях Дагестана в оригиналах и копиях, как правило, более позднего, чем надписи, времени, в основном XVII–XX вв. По сути правовые надписи на камне играли роль нотариально заверенных копий (нусха). У них те же части и тот же правовой язык, что и в рукописных актах. Чтобы придать документу юридическую силу, его переводили с одного из нахско-дагестанских языков на арабский; в начале после басмалы (а порой также хамдалы) приписывали кораническую цитату. После следовал никак не выделяемый текст самого акта. Юридическую силу мог усиливать список свидетелей заключения договора. Встречающиеся на отдельных стелах рисунки (Курах) могли носить магический характер – они охраняли акт от уничтожения.

подавляющее большинство надписей этого типа относится к категории соглашений-иттифак. Название жанра происходит от арабского глагола иттафака – «согласились», с которого начинается изложение акта после преамбулы. Вопреки утверждениям историков, исследовавших их тексты прежде, эти договоры отражают не только обычное право ('адат, русум), но и гибридную юстицию союзов общин и ханств, позднее отдельных сельских общин, в содержании и форме которой слились нормы шари'ата и 'адата. Через иттифак также оформляли принятие в джама'ат переселенца (нередко кровника). Огромное значение для понимания значения юридических актов, выбитых на камне, имеет полевое исследование культурной памяти *in situ*, позволяющее

собрать предания и другие данные устной коллективной культурной памяти о них.

Лишившись юридической силы, правовые надписи перешли к XX–XXI вв. в категорию памятных записей (таварих), аналогичных одноименному популярному жанру в местных рукописных библиотеках. Поэтому мы предлагаем называть первую категорию историко-правовыми надписями. Эпиграфические характеристики историко-правовых надписей и надписей-таварих близки. Первых отличают особенности юридического формуляра и другие отмеченные выше особенности. Часть из надписей-актов, судя по нашим полевым материалам, была еще до революции 1917 г. уничтожена выходцами из зависимых социальных слоев, чьи права в сельской общине они дискриминировали, налагая на них повинности в пользу другой части общин или знати. Эти налоги отражали местный правовой обычай, но нередко обозначались на арабском языке шариатским понятием «поземельный налог с иноверцев, завоеванных мусульманами земель» (харадж).

Надписи в теотиуаканском стиле на сосудах из озера Аматитлан (Гватемала)

Борисова Г. А.,

*Учебно-научный Мезоамериканский центр
им. Ю. В. Кнорозова РГГУ (Москва)*

Аматитлан – пресноводное озеро, четвёртое по величине в Гватемале. На протяжении продолжительного периода времени озеро для древних майя являлось местом проведения разнообразных ритуалов, на его дне были выявлены восемь подводных археологических памятников – зон концентрации доиспанских объектов, где были обнаружены сосуды, курильницы, человеческие останки, предметы из жада и каменные фигурки, датируемые различными периодами. Кроме того, большое количество археологических памятников сконцентрировано вокруг озера Аматитлан.

В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет археологический памятник Мехиканос, который находится на южном берегу озера Аматитлан и являлся важным центром Теотиуаканской культуры в классический период. Керамика, выявленная на памятнике Мехиканос, зачастую украшена иконографическими элементами, характерными для Теотиуакана. Кроме того, во время подводных археологических исследований в 1956–1970 гг. в озере Аматитлан было обнаружено большое количество крупных керамических предметов, которые в литературе получили название «аматитланские цилиндры» (исп. «cilindros amatitlanecos»).

В сентябре 2019 г. автор работала в Гватемале с частной археологической коллекцией Сан-Хорхе (около 20 000 предметов), в которой хранятся, в том числе, объекты, извлеченные из озера Аматитлан. Для анализа были отобраны 53 предмета из озера, 42 из них являются фрагментами курильниц различного типа, 10 – фрагментами аматитланских цилиндров.

Наибольший интерес представляет один из таких цилиндров. Сохранилась только нижняя его часть, верх отсутствует. Посередине сохранилось изображение человека, на переднике которого находится надпись – «6 Ящерица», выполненная в теотиуаканском стиле. Согласно К. Таубе, такое расположение надписей – на поясе человека или чуть ниже характерно для записей календарного имени, что позволяет предположить, что календарное имя владельца данного ритуального цилиндра Аматитлана – «6 Ящерица». Среди опубликованных находок из озера Аматитлан встречаются еще как минимум 8 фрагментов различных курильниц, на которых зафиксированы надписи в теотиуаканском стиле. На 4-х из них встречается знак, описанный в литературе как «Глаз Рептилии». Стоит отметить, что речь идет не о глазе змеи, для которого существует отдельный знак, а какой-то другой рептилии – возможно, ящерицы или крокодила.

Наличие надписей в теотиуаканском стиле на курильницах из озера Аматитлан свидетельствует о том, что это озеро в целом и памятник Мехиканос в частности являлись важным ритуальным центром. Остается дискуссионным вопрос, следует ли искать истоки данных водных ритуалов в ритуально-обрядовых практиках Теотиуакана или же это локальная традиция, обусловленная местными географическими особенностями. Тем не менее, даже если ритуал был привнесен, наличие крайне специфического типа керамики – аматитланских цилиндров – свидетельствует о том, что традиция претерпела существенные локальные трансформации.

**Надгробная эпиграфика горских евреев
в Южном Дагестане:
материалы полевых исследований Центра «Сэфер»**

*Васильев М. Е.,
ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)*

Доклад посвящен эпиграфическим исследованиям надгробных памятников горских евреев, проведенным в ходе экспедиций, организованных Центром славяно-иудаики Инслава РАН и Научно-гуманитарным центром «Сэфер» в 2018–2020 гг. Целью экспедиций было выявление, оценка текущего состояния и комплексная документация сохранившихся горско-еврейских кладбищ в Дербентском и прилегающих районах Южного Дагестана.

Участники первой экспедиции (2018 г.) провели каталогизацию четырех кладбищ, расположенных в бывших поселениях горских евреев на территории Дербентского и Сулейман-Стальского районов современного Дагестана: Мамрач (Мамраг), Ханджал-Кала, Араг, Абасава. Во время второй экспедиции (2019 г.) полевая работа велась на кладбищах в поселениях Нюгди (Мюшкюр), Аглоби и Рубас (Хошмензиль) Дербентского района, а также Хели-Пенджик и Хюряк (Джерах) Табасаранского района. Результатом третьей экспедиции (2020 г.) стала каталогизация ещё трёх

горско-еврейских некрополей в селах Маджалис и Янгикент Кайтагского района, а также в селе Карчаг Сулейман-Стальского района.

В общей сложности за три полевых сезона были исследованы 12 кладбищ и задокументировано более 1400 надгробных памятников, датируемых концом XVII – второй половиной XX вв. Наиболее ранние памятники (1670–1690 гг.) были обнаружены в Абасаве, выходцы из которой считаются основателями современной горско-еврейской общины Дербента. Позднейшие захоронения на недействующих кладбищах относятся к 1990-м гг.

По результатам экспедиций был собран обширный эпиграфический материал, большую часть которого составляют эпитафии, составленные на иврите. На памятниках конца XIX–XX вв. также зачастую встречаются двуязычные надгробные надписи на еврейском и русском или другом местном языке.

Проведённые исследования дали возможность получить новые, а также дополнить уже имеющиеся сведения по истории и традиционной культуре горских евреев Южного Дагестана. В частности, расшифровка и анализ эпитафий позволили уточнить датировку некоторых горско-еврейских поселений, установить имена, даты жизни и происхождение членов общин, а в отдельных случаях – реконструировать важные события и обстоятельства их биографии.

В докладе будет описана методика полевой и камеральной работы в ходе экспедиций, представлены собранные материалы и основные результаты исследования. Кроме того, мы на конкретных примерах рассмотрим некоторые содержательные особенности полученных эпиграфических данных, обсудим их значение в качестве исторического источника, а также перспективы дальнейшего изучения и публикации.

Анализ стелы 77 из Калакмуля (штат Кампече, Мексика)

Вепрецкий С. В.,

*Отдел Америки, ИЭА РАН, Мезоамериканский центр
им. Ю. В. Кнорозова, РГГУ (Москва)*

Археологический памятник Калакмуль в древности являлся столицей царства Кануль, одного из крупнейших в области майя. В период с V по X в. н. э. на памятнике было установлено более сотни стел с надписями, однако в связи с особенностями материала, из которого они были изготовлены, подавляющее большинство из них дошли до нас в плохой сохранности, что затрудняет проведение полноценного эпиграфического анализа. В связи с этим в широкий научный оборот были введены единицы подобных монументов, но даже они анализировались исследователями лишь частично. На данный момент все эти надписи не были полноценно задокументированы и опубликованы, не считая прорисовок отдельных фрагментов в разных статьях и книгах. При этом современные методы документации эпиграфических памятников, такие как трехмерное сканирование и фотограмметрия, помогают увидеть существенно больше деталей даже в тех случаях, когда монумент считался безнадежным с точки зрения сохранности.

В качестве примера перспективности новых методов документации нами была выбрана Стела 77 из Калакмуля. Монумент был установлен перед Зданием XV в Западной Группе, где находится до сих пор. Ранее эта стела не фигурировала в публикациях вовсе, а в неопубликованной главе археологического отчета 1998 г., написанной С. Мартином и посвященной иероглифическим памятникам Калакмуля, о монументе сказано лишь то, что на нем не удалось определить ни одной календарной даты. Новый анализ базируется на фотографиях, выполненных автором в 2013 г., с помощью которых была построена трехмерная фотограмметрическая модель, позволившая распознать сохранившуюся надпись.

В результате стало понятно, что в тексте реконструируются две даты: первая относится к военной победе над правителем Тикаля, а вторая маркирует окончание десятилетнего периода в 682 г., к которому и была приурочена установка данной стелы. Кроме того, в надписи присутствуют имена родителей Йукном-Ч'ена II, верховного царя Кануля того времени. Ранее о его родственных связях можно было судить лишь по косвенным свидетельствам. Таким образом, Стела 77 из Калакмуля является наглядным примером того, что при грамотном использовании трехмерной документации эпиграфического материала Калакмуля исследователи могут рассчитывать на значительное расширение источниковой базы по истории Канульского царства.

Аяты Корана, написанные на татарских надмогильных памятниках XIII – начала XX вв.

*Гайнутдинов А. М.,
к. филол. н., Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
старший научный сотрудник (Казань)*

В тюркоязычном мире традиция установки памятников на могилах идет от тюрков эпохи каганатов. Известны камни с руническими письменами, датированные 731, 734 гг., установленные в честь тюркских правителей Кюль-тегина, Бильге-кагана. После принятия ислама тюрки начали ставить на могилы камни с текстами на арабской графике. Как известно, до завоевания монголами Волжской Булгарии у местного населения не было обычая установки каменных надгробий с текстами. Но все же эта практика смогла укорениться в Поволжье. Именно во второй половине XIII в. на территории современного Татарстана появились первые арабографичные памятники на могилах. Помимо имен и дат на них наносились аяты Корана.

Полное структурное деление болгаро-татарских эпитафий представил эпиграфист Д. Г. Мухаметшин, который разделил их на семь частей или компонентов, однако в большинстве случаев все эти компоненты не присутствуют на плитах и поэтому некоторые можно объединить и рассматривать вместе. Мы считаем, что правильно делить древние татарские эпитафии на четыре большие части: введение, основная часть, молитвенная часть и дополнительная часть.

Во введении, т. е. до того, как приводилась информация об усопшем, писались слова или предложения, напоминающие о Боге или загробном мире. В основном приводятся имена и атрибуты Аллаха, аяты Корана, изречения пророка Мухаммада, написанные исключительно на арабском языке. Наиболее часто встречается аят Корана «Куллу нафсин заикатул-маут» («Каждая душа вкусит смерть») (сура «Гимран», аят 185; сура «Анбия» («Пророки»), аят 35; сура «Ганкабут» («Паук»), аят 57). Этот аят всегда записывался на надмогильных плитах со времен Золотой Орды до начала XX века.

На втором месте по распространенности на древних татарских памятниках – аят «Куллу ман галайха фан» («Все, что на ней [земле], всё тленно»), то есть 26-й аят суры «Ар-Рахман» («Милостивый»). На золотоордынских камнях мы не встречаем этого аята, но его очень часто писали на памятниках XV – начала XX вв.

На третьем месте – «Ва ма тадри нафсум би-аййи ардый тамут» («Никто не знает, в каком месте он умрет») (сура «Локман», аят 34). Он также не встречается на памятниках эпохи Золотой Орды, значит, его начали писать только в период Казанского ханства. Он активно использовался вплоть до начала XX века.

Кроме этих аятов, на древних татарских надмогильных камнях были написаны еще около двух десятков аятов.

Как видим, древние татарские эпитафии были очень содержательными, на камнях писали разные аяты, напоминающие о Боге и смерти. Всех, кто приходил на могилы, они призывали

к религии, заставляли задуматься, при этом успокаивали. С помощью изучения содержания эпитафий можно раскрыть аксиологические основы мировоззрения татарского народа, функцию надгробных камней.

Особенности «лаковой эпитафики» Мьянмы (на материале коллекции Государственного музея Востока)

*Гожева Н. А.,
кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник,
хранитель постоянных экспозиций искусства
Юго-Восточной Азии, Японии и Кореи,
Государственный музей Востока (Москва)*

Появление надписей в лаковом искусстве Мьянмы, называемом пан-юн, восходит к древней традиции сопровождения донаторскими текстами культовых памятников, что было во многом связано с буддийской идеей приобретения заслуг, влияющих на будущую жизнь человека. В средневековый период надписи наносили в основном на покрытые лаком предметы религиозного назначения, и только в XX столетии они стали традиционными и в бытовой сфере. Чаще всего их наносят на произведения, декорированные в технике полихромной гравировки (бирм. юн), считающейся наиболее оригинальной в лаковом искусстве Мьянмы. Выполненные желтым цветом небольшие тексты на бирманском языке располагают обычно в черных (иногда в красных) картушах среди орнаментальных фризов в верхней и нижней частях предметов, на крышке или доннышке, над изобразительными сценами на лаковых картинах. Надписи на черно-золотых лаках в технике швейзэва («золотой листок») встречаются намного реже, как и позолоченная барельефная лепка букв и знаков из лаковой мастики (техника тайо швейчха).

Тематика «лаковой эпитафии» довольно обширна: она может содержать благопожелания, комментарии сюжетных сцен, сообщение о традиционности и высоком качестве изделий, место изготовления, имя донатора, торговую марку мастерской и, гораздо реже, дату и имя автора произведения. Одним из стимулов для нанесения на лаки авторских подписей стало участие бирманских мастеров в Индийской выставке художественных ремесел 1902–1903 гг. в Дели, приуроченной к так называемому Имперскому дурбару. Представители британских колониальных властей в Мьянме при отборе изделий просили ремесленников ставить на них свои имена, чтобы лучшие из них могли быть отмечены призами. И некоторые из мастеров, в основном из Пагана – крупнейшего лакового центра страны, действительно получили выставочные награды.

Конечно, большинство лаковых изделий XX – начала XXI вв., особенно бытовых, не является авторским, и далеко не на всех из них есть надписи. В небольшой коллекции Музея Востока из 170 произведений только на 22 присутствуют надписи и лишь в восьми из них содержатся имена мастеров или владельцев мастерской. Так, на коробке кун-и для бетеля, покрытой терракотово-красным лаком, в верхних картушах написано: «Схэя Чи», т.е. «Мастер Чи», и название лакового центра «Швейлайун юндэ» (Лаковое изделие [из мастерской] ‘Свет золотой луны’). В нижнем картуше коробки указана дата по так называемой мьянманской эре – «1334», что соответствует 1972 г. григорианского календаря. На бортике большого блюда тхамин-оу также можно прочитать и год создания изделия («1350», т.е. 1988 г.), и название другой известной паганской мастерской – «Повелитель Золотой черепахи».

Более пространственными и содержательными являются надписи, комментирующие сюжетные композиции. Ярким образцом такой «лаковой эпитафии» служит музейная картина с четырьмя сценами из жизни принца Сиддхартхи, будущего Будды. Помеща

надписи над каждой сценой, мастер следовал традиционному фризобразному расположению текста, восходящему еще к нарративным росписям Пагана. Благопожелательные надписи на лаковых изделиях, иногда даже в поэтической форме, также могут быть довольно информативны. Например, на крышке бетельной коробки, стенки которой украшают металлические пластины с фигурами животных – символов планет и дней недели, выгравировано: «Пусть будут здоровы и благополучны сыновья и дочери всех семи дней недели». Эта фраза, полукругом обрамляющая пластину, на которой изображен коленопреклоненный мужчина, просящий сидящего перед ним буддийского монаха сделать предсказание или астрологические расчеты по поводу какого-то события в его жизни, несомненно, носит религиозный подтекст.

Анализ надписей на примерах произведений из коллекции мьянманского искусства в Государственном музее Востока приводит автора к выводу о том, что в целом «лаковая эпиграфика» Мьянмы остается в рамках буддийской парадигмы накопления и передачи религиозных заслуг.

Таблицы как основная коммуникативная система астекских иероглифических текстов

*Давлетшин А. И.,
к. и. н., Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

Таблицы представляют собой распространённую и, возможно, универсальную коммуникативную стратегию письма, засвидетельствованную в различных письменных традициях, в том числе самых ранних (см. протошумерские и протоэламские тексты). Таблицу можно определить как такую форму передачи сообщения, при которой лексическое значение написания определяется

его положением на пишущей поверхности. При данном определении наличие колонок, строк и разграничивающих их линий не является строго необходимым – ключевыми признаками становятся “задаваемые места” и семантический параллелизм написаний, находящихся в одном и том же “месте”. По сути, таблица представляет собой многомерный список, что может объяснить распространённость таблиц в письменных культурах, поскольку такого рода списки широко распространены в текстах устных традиций.

В отличие от других мезоамериканских письменных традиций, для астекских иероглифических памятников нехарактерны вплетённые тексты, тексты-этикетки и тексты-подписи; распространённые у древних майя и эпольмексов сплошные тексты также неизвестны. Основными коммуникативными стратегиями являются тексты-карты, тексты-списки, тексты-таблицы и их сочетания. В большинстве случаев весь иероглифический текст представляет одну или несколько таблиц, причем некоторые из таких текстов насчитывают сотни страниц и тысячи иероглифических блоков (см. Кодекс Вергара, Кодекс Мендоса и Матрикулу из Уешоцинко). За пределами астекской письменной традиции в Мезоамерике таблицы известны только у древних майя, где они представлены уникальными примерами. Здесь необходимо отметить отличную видовую природу дошедших до нас астекских памятников, которые представляют собой локальные истории и хозяйственные документы, а также постконтактное время их изготовления. Примечательно, что разлинованные таблицы редки и, по всей видимости, появляются достаточно поздно, возможно, под влиянием европейской письменной традиции (см. Кодекс Коскацин).

Вероятно, таблицы представляли собой основную коммуникативную стратегию астекского письма до прихода испанцев, поскольку таковыми являются самые ранние дошедшие до нас памятники, в том числе исторической природы. Данное

наблюдение можно интерпретировать как дополнительный аргумент в пользу определения астекской иероглифической системы как ранней письменности: табличная форма представления информации облегчала прочтение всё ещё плохо приспособленных для передачи классического астекского языка написаний.

Эпиграфический памятник из Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос в этнологическом музее г. Берлина

Давлетшин А. И.,

к. и. н., Институт восточных культур и античности,

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва)

В собраниях Этнологического музея г. Берлина за номером IV Са 29782 хранится якобы стела, приобретённая в 1896 г. Эдуардом Зелером. Согласно Карлу Запперу, памятник происходит из погребальной камеры в городище Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос (совр. департ. Альта Верапас, Гватемала). Он уникален во многих отношениях: 1) происходит из региона, где монументальные надписи неизвестны, 2) датируется раннеклассическим периодом и 3) представляет собой круглую скульптуру. Памятник представляет изображение головы царя в роскошном головном уборе с восьмью иероглифическими блоками в круглых картушах на боковых сторонах и чашеобразным углублением наверху.

Работа в музее позволила предложить новую интерпретацию так называемой стелы. Было установлено, что одна из двух колонок текста на каждой стороне потеряна: по всей видимости, памятник был распилен, чтобы облегчить его перевоз. Более того, реставрация одного из нижних блоков искажает детали. Тем не менее стереотипность майяских надписей, а также наличие вписанного в головной убор имени позволяют практически полностью реконструировать текст: «... в такой-то день ... (дата

не сохранилась) К'ахк'-Б'ахлам? Ик'-Шаак? божественный царь Укулькаб'а воссел на престол, он был сыном К'ахк'-(знак не читается), божественного царя Чана (совр. городище Чинкультик, шт. Чьяпас, Мексика) и ... Наах?-Сак-Чих ...» (потерянный текст выделен и дан троеточием в случаях, когда не может быть восстановлен). Топоним 'Укулькаб' можно перевести как «страна камня-плитняка», что соответствует географическим реалиям Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос.

Анализ текста и иконографии позволяет сделать следующее предположение: так называемая стела представляет собой гигантскую курильницу, изображающую основателя царской династии, ведущего своё происхождение из Чинкультика, располагающегося на расстоянии более двухсот километров. По всей видимости, цари Чинкультика стремились контролировать торговлю каменной солью, которую добывали в Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос. Вероятно, что в углублении наверху располагалась чаша, в которой разжигали огонь для воскурения ароматной смолы и совершения других жертвоприношений. По иконографическим и палеографическим признакам памятник может быть датирован V–VI вв. нашей эры.

Формула «Я хоронил не имеющего сына» и подобные ей в древнеегипетских кладбищенских жизнеописаниях Старого и Среднего царства¹

Демидчик А. Е.,

д. и. н., доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры Древнего Востока (Санкт-Петербург); ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», профессор кафедры всеобщей истории (Новосибирск)

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00155, <https://rscf.ru/project/23–28–00155>.

Формула древнеегипетских кладбищенских жизнеописаний «я хоронил не имеющего сына» раньше всего засвидетельствована в четырех саккарских гробницах чиновников начала правления VI династии. Совпадения по времени, месту появления и письменным контекстам позволяют предположить, что владельцы гробниц скопировали формулу с общего протографа – в одной и той же мастерской или друг у друга. В «провинции» она впервые отмечена в жизнеописании правителя II верхнеегипетского нома Кара, вероятно, заимствовавшего её при обучении и службе в столице в царствование Пепи I и в начале правления Меренра. Однако, будучи номархом, Кар счел нужным подчеркнуть, что «хоронил не имеющего сына» не за казенный, а за собственный счет. С этого начинается развитие интересующей нас формулы, что является темой предлагаемого доклада.

Первоначальное определение погребаемого за счет «благодотворителей» покойника как «не имеющего сына», вероятно, вызвано тем, что лишь последний, будучи наследником, считался ответственным за похороны. Остальная родня, даже близкая, такие траты своим неременным долгом не считала. В Первый переходный период египтяне, похоронившие не только собственных родителей, похвалялись этим как деянием выдающимся.

После Старого царства погребенного за чужой счет покойника перестали называть «не имеющим сына» – говорится о «стариках», «мертвецах» и т. д. В пору массового обнищания средств на должное погребение часто недоставало даже при наличии у покойного сына. Заботу о похоронах таких неимущих брали на себя местные правители и храмы.

Эпитафия Маттео Риччи (1552–1610) на пекинском кладбище Чжалань: краткое резюме жизни миссионера

Дубровская Д. В.,

*д. и. н., в. н. с., зав. Отделом искусства
и материальной культуры ИВ РАН, доцент ГАУГН
(Москва)*

Первой миссии иезуитов в Китае под руководством Маттео Риччи мы обязаны созданием огромного количества источников по истории Китая XVI–XVII вв., истории христианской проповеди в Срединной империи и истории миссии иезуитов, заложившей основу этой проповеди. Есть, однако, среди корпуса письменных источников на латыни, китайском и итальянском языках и некоторое количество эпиграфических свидетельств на памятных стелах-надгробиях пекинского кладбища Чжалань (柵欄墓地; Чжалань му-ди). Безусловно, памятные инскрипции-эпитафии на надгробиях не столько несут в себе некую новую информацию, сколько представляют собой определенную фиксацию достижений миссионеров, желавших даже после смерти на чужбине «закрепиться» в стране, которой посвятили свою жизнь и служение, некое отражение истории миссии и краткое резюме работы, проделанной проповедниками. Перед докладом ставится цель ввести в научный оборот надпись на могиле основателя миссии иезуитов в Китае Маттео Риччи, умершего в столице Минской империи – Пекине в 1610 г., и кратко осветить как события, окружавшие смерть знаменитого миссионера и обстоятельства получения земельного лота для его упокоения, так и историю старейшего христианского кладбища, на котором сохранилось около семидесяти миссионерских могил.

Могила Маттео Риччи расположена приблизительно в четырех километрах от тогдашних западных городских ворот Пекина. Надгробие имеет форму небольшого холма. На памятнике, представляющем собой классическую китайскую мемориальную стелу

с характерным декором, выбит крест, несущий параллельные инскрипции на латыни и китайском языке. Заслуги Маттео Риччи всегда высоко оценивались в Китае, поэтому даже коммунистическое правительство страны относится к месту упокоения основателя китайской миссии с почтением и в годы после восстановления кладбища успешно защищает его от вандализма.

Вход на кладбище лежит через каменные ворота, относящиеся, по всей видимости, ко временам правления императора Канси. От ворот ведет дорожка, обрамленная по сторонам цветочными клумбами. Стела надгробия Маттео Риччи расположена посередине кладбища; саркофаг с телом проповедника находится непосредственно за ней. Надпись, выбитая на надгробной стеле Маттео Риччи по-китайски и на латыни, гласит:

«Могила иезуита, почтенного Ли Матео. Мастера Ли звали Мадоу (Маттео), известен он был также как Си-тай [Мудрый человек с Запада]. Он родился в стране Италии в Великом Западном Океане. Он вступил в Общество Иисуса будучи еще очень молодым, чтобы развивать совершенство [благотетели]. Он приехал в Китай в год жэнь'у [1582 г.] во время правления императора Ваньли династии Мин по морю, для того чтобы проповедовать [священное] учение. В год гэнцзы правления Ваньли [1600] он прибыл в столицу и умер в год гэнсюй правления Ваньши [1610] в возрасте 59 лет, из которых прослужил Обществу [Иисуса] 42 года».

Как и в случае с другими стелами, сооруженными на могилах коллег Риччи – иезуитов, сверху над инскрипцией мы находим аббревиатуру D.O.M. (Deo Optimo Maximo – Величайшему и Лучшему Богу). Справа от стелы Маттео Риччи (Matteo Ricci; 1558–1610; китайское имя Ли Мадоу; 利瑪竇) расположена могила Фердинанда Вербиста (Ferdinand Verbiest; 1623–1688; китайское имя Нань Хуайжэнь; 南懷仁); слева – Адама Шалля фон Белла (Adam Schall von Bell; 1591–1666; китайское имя Тан Жован; 湯若望). Группа, составленная могилами и надгробиями этих трех проповедников, занимает наиболее почетное место во всей

композиции кладбища. Неподалеку от этого композиционно-смыслового центра комплекса расположены места упокоения других миссионеров, удостоившихся чести быть похороненными в Пекине. Всего таких могил 63 и принадлежат они проповедникам разных стран и национальностей, включая 14 китайцев. В первом ряду справа при входе во второй двор находится могила и стела лидера придворных художников эпохи императора Цяньлуна Джузеппе Кастильоне – Лан Шинина (Giuseppe Castiglione; 1688–1766; 郎世寧), в четвертом ряду располагается надгробие математика Йохана (Терренца) Шрека (Johann[es] Terrenz Schreck; 1576–1630; китайское имя Дэн Юхань; 鄧玉函) – второго иезуита после основателя миссии, похороненного на этом месте.

Немаловажно, что некогда возле могилы Маттео Риччи располагались солнечные часы (ныне утерянные), на основании которых сохранилась надпись – цитата из высказываний самого основателя миссии: «Время бежит быстро. Нельзя цепляться за прошлое и нельзя предсказать будущее. Мы должны делать добро в настоящем и не тратить время на бесполезные вещи». Пожалуй, эта несложная мудрость являет собой квинтэссенцию мировоззрения и трудов Маттео Риччи, инскрипция на могильном памятнике которого суммирует основную суть деятельности приведенной им в Запретный город в Пекине первой христианской миссии.

**«Бирманское» летоисчисление
в надписи царя Харикелы Деватидевы:
исследование текста и критика историографии**

*Зайцев И. А.,
м. н. с. отдела Индоокеанских исследований ИМЭМО РАН
(Москва)*

Надпись правителя царства Харикелы Деватидевы (ок. VIII в. н. э.) была обнаружена в районе Читтагонга и по сей день

хранится среди экспонатов музейной коллекции Национального музея Республики Бангладеш. Ее текст выполнен письмом сиддхам и нанесен на поверхность керамического сосуда.

Одной из примечательных особенностей надписи является использование особой системы летоисчисления для датировки событий, упомянутых в тексте. По мнению индийского исследователя Г. Бхаттачарьи, такое летоисчисление следует понимать как «эру чуласаккарадж» или «бирманскую эру», использование которой было распространено в памятниках эпиграфики Мьянмы и Таиланда на вернакулярных и канонических языках XI–XVIII вв. Впоследствии в историографии такое явление трактовалось как следствие контактов Харикелы с царствами Запада Индокитая в период VIII–XI вв.

Докладчик подвергает сомнению выводы предшествующей историографии по ряду вопросов. Во-первых, датирование событий в надписи с помощью календаря, основанного на двенадцатиричной системе, не всегда соотносится с системой «чуласаккарадж». К похожим системам летоисчисления можно отнести и эру Саков (Шаков), в основе которой также лежит двенадцатиричный цикл. Во-вторых, в случае наличия контактов Харикелы и царств Запада Индокитая неясным остается феномен араканских надписей, в которых датировка описываемых событий отсутствует. В-третьих, синхронными VIII в. памятниками эпиграфики с использованием эры чуласаккарадж являются погребальные надписи царей городов народа Пью, что делает некорректным предположение Г. Бхаттачарьи об использовании «бирманской эры», а не «пьюской».

В докладе также осуществляется сравнение датировки, представленной в надписи Деватидевы, с датировками эры чуласаккарадж из надписей Раджакумара и Шwegучжи, относящихся к раннему периоду истории бирманского царства Паган (XI–XII вв.). Отмечается, что в таких надписях использовалось, как минимум, два принципа датирования событий: по году

двенадцатиричного календарного цикла, а также по году, прошедшему с момента париниббаны Будды. Такое обстоятельство делает сомнительным предположение Г. Бхаттачари об использовании именно «бирманской эры» для датирования событий в надписи Деватидевы.

Арабская эпитафия 1382 г. из Дербента (новое прочтение)

Закарияев З. Ш.,

д. и. н., профессор кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета (Махачкала)

Изучение средневековой арабской эпитафии из Дербента, датированной 784 г. хиджры (1382 г.), показало, что ее текст нуждается в новом прочтении. Эпитафия высечена на прямоугольной каменной надмогильной стеле каллиграфическим арабским почерком «сулс». Арабский текст и перевод эпитафии были дважды опубликованы еще в 60-х гг. XX в. известным кавказоведом Л. И. Лавровым. Однако ни фотография, ни прорисовка стелы не публиковались. Нам удалось выявить местонахождение стелы, которую около 60 лет никто не изучал, и исследовать памятник на месте. Текст стелы местами поврежден, поэтому эпитафия читается не полностью. Нами предлагается корректировка прочтения основной части текста (широкая П-образная эпиграфическая лента по бордюру стелы), включая имя владельца эпитафии.

Эпиграфические особенности еврейских эпитафий Южного Дагестана (на полевых материалах)

Кашиовская Н. В.,

*к. и. н., зав. отделом «Религии Востока»
Музея истории религии (Санкт-Петербург)*

На девяти исследованных некрополях селений Южного Дагестана² были зафиксированы более 1000 уцелевших надгробий, эпитафий – 780, что может косвенно указывать на продолжительность жизни в селениях. При установленных по эпитафиям хронологических границах некрополей и количеству погребений выявляется демографическая и социально-экономическая картина: наиболее продолжительные общины Карчага, Джераха, Ньюджи – это 7–8 поколений, которые укладываются в не более чем 250 лет.

Зафиксированные каменные надписи отражают степень религиозности в еврейских общинах Дагестана: это умение сложить эпитафию, знание библейского текста. Собранный свод эпитафий к XXI веку оказался чуть ли не единственным источником в изучении языка и религиозной традиции, понимания особенностей исторического существования еврейских общин. Надписи могут существенно дополнить еврейскую историческую палеографию, ибо в жизни еврейских общин Дагестана процесс перехода на печатный квадратный шрифт в эпиграфике стал наблюдаться лишь с середины XIX века.

Надгробия как артефакт с эпитафийным текстом на поле зафиксировали, что печатный квадратный шрифт обрабатывался мастерами с одного образца – печатного листа.

В поминальных текстах дагестанских селений Джерах, Маджалис, Карчаг, Ньюджи, Хели-Пенджик обнаруживаются общие стилистические формулы, которые подтверждают и активные

² С 2009 по 2019 год (к сожалению, полевые экспедиции по ряду причин не проводились ежегодно) были обследованы некрополи селений Джерах, Карчаг, Маджалис, Марага, Ньюджи, Хели-Пенджик, Янгикент.

контакты между общинами. Ими стали фразеологические обороты для обозначения даты смерти, когда строго указывался день от Субботы. Более всего роднит еврейские общины Южного Дагестана выражение: *לך להש ומליע תיבל* – «ушел в дом вечности»; оно вырезалось как дословно, так и в разных сокращениях.

На большинстве некрополей, за исключением тех, где уцелело незначительное количество памятников (Янгикент, Хели-Пенджик, Марага) была зарегистрирована цитата из Исаяи 11:10, ставшая на практике евлогией: *וּלְחַוֵּנֵנוּמ הִיֵּהָ דוּבֵכ – ךׁמַת* – «да упокоится он во славе».

В эпиграфической оценке показательно кладбище общины Джераха, где, несмотря на замкнутость поселения горными отрогами, зафиксировано 6 почерков из других селений Южного Дагестана (и ни один из них не приобрел в общине устойчивость). Эпитафии разнообразны по начальным формулам и употреблению различных способов счисления по еврейскому традиционному календарю: *הִרְצִיל* – от Сотворения мира, – *עֵבֵל* – считать по Большому кругу от Сотворения мира, – *קׁפֵל* – по Малому счислению. Для Джераха следует отметить и еще один особый стиль: на 10 памятниках в течение 15 лет первой половины XIX в. в некрологе приводятся отрывки из Исаяи (Ис. 26:19) и Даниила (Дн. 12:2). Для исследователя проследить источник попадания в эпитафию такой традиции будет очень интересным направлением в дальнейшем изучении истории поселений горских евреев Дагестана, т. к. в селение Араг эти цитаты встречаются уже в устойчивой аббревиатурной форме.

Собранный корпус надгробных текстов представляет хоть и своеобразный письменный источник, но дополняет, а в иных случаях восстанавливает историческую картину жизни общин евреев Дагестана (названных горскими русской императорской администрацией) в пределах XVII–XX веков.

Зафиксированные стилистические, языковые параллели говорят о сохранении языковой письменной традиции (ивритской),

которая сохраняла себя вплоть до конца XX века. Стилистические обороты эпитафий, как и подбор евлогий, сближают еврейские общины Дагестана с остальными регионами диаспоры.

Погребальные эпитафии (мужимин 墓志銘) как источник об экспедициях Чжэн Хэ (1405–1433) и их участниках

*Коллин И. С.,
м. н. с., Отдел Китая,
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

Китайские погребальные эпитафии преимущественно исследуются в качестве источника по биографии отдельных исторических лиц, а также их рода. Тем не менее информация из них способна пролить свет и на некоторые исторические события, специальные источники о которых отсутствуют, были утеряны или уничтожены.

Экспедиции Чжэн Хэ (1405–1433) по праву можно считать одним из величайших предприятий в истории Китая и внешнеполитических отношений. Исследования этих событий начались ещё в конце XIX в. и продолжаются до сих пор. Основной сложностью их изучения является малое количество первоисточников – большая часть таких документов была намеренно уничтожена в 1470-х гг. Те письменные свидетельства, которые уцелели, уже были изучены и переведены на европейские языки. Однако эпиграфическим памятникам уделялось гораздо меньше внимания, работы о некоторых из них отсутствуют как в западной, так и в отечественной историографии.

К таким эпиграфическим источникам относятся и три недавно обнаруженные эпитафии участников экспедиций: Чжоу Вэня 周聞 (найдена в 1983 г.), Ян Цина 杨慶 (2005) и Хун Бао 洪保 (2010). Их краткие характеристики представлены ниже.

Эпитафия Чжоу Вэня была найдена в Тайцане, портовом городе рядом с Сучжоу. Её длина 51 см, толщина 11 см, иероглифы

размером 1,5 см. 28 столбцов, в полном столбце 27 иероглифов, всего 669 иероглифов.

Эпитафия Ян Цина обнаружена в Нанкине, её длина около 54 см, ширина около 54,5 см, толщина 7,8 см. Всего 25 столбцов, в полном столбце 26 иероглифов, в общей сложности 331 иероглиф.

Эпитафия Хун Бао представляет собой уникальный вид эпитафии – шоуцанмин 壽藏銘 (эпитафия, составленная при жизни покойного). Она была найдена в Нанкине у основания горы Цзутаншань 祖堂山. Всего 25 столбцов, в полном столбце 40 иероглифов, в общей сложности 741 иероглиф.

В ходе изучения и перевода текста эпитафий были сделаны следующие выводы: все три персоны были военными, судя по их должностям и титулам. Кроме того, Хун Бао и Ян Цин имели очень схожий жизненный путь: родились в провинции Юньнань, рано в детстве поступили на службу ко Двору, стали евнухами, участвовали в военных походах Чжу Ди. Аналогично дела обстояли и с самим Чжэн Хэ, более того, вполне возможно, что Чжэн Хэ и Хун Бао имели общих предков. Эти сведения вкупе с другой информацией из источников заставляют задуматься о том, насколько в действительности «мирными» изначально задумывались экспедиции в страны Южных морей.

Эпитафия Хун Бао, будучи наиболее информативной из трёх, содержит ряд интересных и уникальных сведений: так, в 1406 г. он возглавлял кавалерию, которая направилась в страны, располагавшиеся на территории современного Тибета. Таким образом, помимо участия в плаваниях Чжэн Хэ, Хун Бао также отправлялся и в Западные края наравне с Хоу Сянем 侯顯 (1365–1438) и Чэнь Чэном (1365–1457) (однако его направление туда носило скорее военный характер, нежели дипломатический). Помимо этого, в тексте упоминается размер «огромных кораблей» 巨舶 – 5000 ляо. Это второе свидетельство о размерах флота Чжэн Хэ, относящееся к тому времени, а не к более поздней эпохе.

Причём в другом источнике, стеле в храме Цзиньхай в Нанкине 南京静海寺鄭和下西洋残碑 (1421), большая часть текста которой не сохранилась, идёт речь о судах в 1500 и 2000 ляо.

В эпитафии Чжоу Вэня говорится, что в плавании 1421 г. «на полпути повернули назад», а также, что в 1424 г. была начата ещё одна экспедиция, но император велел её прекратить. Вероятно, уже к концу правления Чжу Ди внутри Двора была достаточно сильная оппозиция против снаряжения экспедиций.

В то же время в тексте эпитафии Ян Цина его участие в экспедициях Чжэн Хэ вообще не упоминается. Текст его эпитафии самый короткий из трёх, в связи с чем можно выдвинуть предположение, что экспедиции не воспринимались как самое значимое событие в его жизни.

Египетский диалект Нубии. Исследование эпиграфики

Кормышева Э. Е.,

*д. и. н., г. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

В докладе предпринята попытка выделения специфических особенностей, которые наблюдаются в текстах из Нубии как во времена египетского господства в Судане, так и в египетских надписях царей Куша.

Выявленные особенности фонологии, появление новых иероглифических знаков, специфика начертания и композиции фраз позволяют поставить вопрос о формировании диалекта египетского языка в Нубии, начиная с середины II тыс. до н.э.

Шанские гадательные надписи из восточного сектора Хуаюаньчжуан (Иньсюй) и трудности их интерпретации

Куликов Д. Е.,

к. и. н., с. н. с. Отдела Китая

ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)

Позднешанская письменность, представленная так называемыми гадательными надписями на щитках черепах и костях животных (цзягувэнь 甲骨文, поздний период эпохи Шан 商 1250–1046 до н. э.), является неопределимым аутентичным и синхронным источником сведений о разных сторонах жизни древнекитайского общества. Благодаря разносторонности тематики цзягувэнь на его основе можно исследовать различные проблемы истории и культуры древнего Китая. В силу таких особенностей позднешанских гадательных надписей, как лапидарность, ситуативность, отсутствие нарратива и протокольный характер, обусловленных задачами мантического обряда, идеи и явления, питавшие шанскую ритуалистику, не представляются полностью очевидными и требуют всестороннего исследования.

Отличительной чертой шанской мантики являлся ее высокий ритуальный статус. Дело в том, что большинство ныне известных гадательных надписей из Иньсюя 殷墟 «Руины Инь»³ фиксируют гадания, сделанные царским гадателями по заказу шанского правителя или непосредственно ваном. В специальной литературе эта категория инскрипций получила название «царских гадательных надписей» (ван бу цы 王卜辭). В противоположность этим надписям выделяют другую категорию позднешанских цзягувэнь – «нецарские гадательные надписи» (фэй ван у мин бу цы 非王卜辭). В настоящей работе объектом исследования служит получившая известность сравнительно недавно группа – гадательные инскрипции из восточного сектора Хуаюаньчжуан.

³ Иньсюй – местонахождение столицы государства Шан близ Аньяна (пров. Хэнань) в поздний период.

Центральный персонаж этих гадательных надписей, выступающий в роли заказчика гаданий этой группы и иногда – гадателя, как и в вышеуказанных группах, именуется Цзы. Нам известно, что Цзы содержал относительно многочисленный штат гадателей (порядка 20 человек), в надписях на более чем тридцати фрагментах гадательных панцирей он выступал в качестве жреца, возглавлявшего жертвенный ритуал, а также во многих случаях являлся прорицателем, делавшим предсказания, т. е. выполнял функцию, приписываемую до обнаружения хуадунского корпуса гадательных костей исключительно шанскому вану. Уже эти обстоятельства заставляют исследователей обратить особое внимание на изучение ритуалов хуадунского Цзы и выявление их отличий от царской ритуальной деятельности.

Собственно говоря, до сих пор мнения исследователей расходятся по поводу того, кем являлся этот персонаж позднешанского периода. К слову, датировку этих надписей также нельзя считать точно установленной. Несмотря на то, что стратиграфические данные ямы НЗ, фрагменты обнаруженной в ней керамики и расположенные поблизости культурные памятники заставляют датировать находки гадательных костей первым периодом культуры Иньсюя, в целом соответствующим раннему периоду правления У-дина 武丁 (1250–1192 гг. до н. э.), некоторые исследователи относят хуадунские инскрипции к позднему периоду этого вана, а другие – к его среднему периоду. Так или иначе, можно лишь утверждать, что хуадунский Цзы был героем эпохи царствования У-дина.

К вопросу о датировке текстов проклятий Среднего царства

Лаврентьев Н. В.,

*м. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

Рассматриваемые «тексты проклятий» были созданы в эпоху Среднего царства, однако их более точная датировка остается дискуссионной.

«Тексты проклятий» делятся на несколько корпусов: Хелуан, Берлин, Миргисса, Брюссель. В каждом корпусе перечисляются названия чужеземных стран, а также имена их правителей. Данные записи являются ценными сведениями для исследования взаимоотношений египтян со своими соседями.

Исследователи «текстов» К. Зете, Ж. Познер, И. Кениг датируют каждый корпус правлением царей XII династии. Недавно Б. Уильямсом была выдвинута гипотеза о более поздней датировке Миргисского, Берлинского и Брюссельского корпусов «текстов проклятий». По мнению исследователя, данные корпуса датируются концом Среднего царства и началом II Переходного периода, что подтверждается сравнением надписей с другими источниками этого периода.

В докладе предлагается сравнение отдельных графем трех корпусов «текстов проклятий» (Миргисса, Берлин, Брюссель) с графемами источников как Среднего царства, так и II Переходного периода. Эта работа даст возможность внести дополнительные корректировки данных Б. Уильямса и рассмотреть варианты более точной датировки «Текстов проклятий».

**Амулет с арабографической надписью XIV в.
из раскопок на Водянском городище**

*Лапшин А. С.,
к. и. н., н. с. Отдела истории Востока
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

*Лапшина И. Ю.,
к. и. н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический университет»
(Волгоград)*

В 2014 г. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией под руководством А. С. Лапшина проводились археологические раскопки в прибрежной зоне центральной части Водянского городища – памятника XIV в. городской культуры Улуса Джучи (Золотой Орды) в Нижнем Поволжье (Лапшин, 2016). Одной из примечательных находок этого года исследований стал литой бронзовый нательный амулет с арабографической надписью на одной из сторон и изображением т.н. «магического квадрата» (рис. 1). Практика использования различных магических культов и ритуалов, в том числе с использованием цифровой магии и «магического квадрата», хорошо известна в исламе (Огудин, 2002, с. 65–82; Пигарев, Скисов, 2007, с. 238–246). Главное математическое свойство такого квадрата: сумма чисел в каждом столбце, каждой строке и в обеих диагоналях – одинакова. Амулеты и другие артефакты с изображениями «магического квадрата» являются редкими, зачастую единичными, находками, но зафиксированы на нескольких золотоордынских городищах XIV в. – Селитренном, Царевском, Увекском, Маджарском, Азаке (Федоров-Давыдов, 1974, с. 130–131; Пигарев, Скисов, 2007, с. 238; Кубанкин, 2019, с. 449).

Найденный в 2014 г. на Водянском городище амулет имеет форму и расположение изображений, аналогичные такому же

изделию с Увекского городища и двум случайным находкам частных лиц, предположительно из района Царевского городища. Они морфологически и стилистически близки между собой, и все четыре находки могут быть отнесены к одному типу таких изделий. Амулет с Водянского городища имеет форму прямоугольной пластины, с одной из его сторон имеется подтреугольный выступ, на котором находится округлая петелька для подвешивания (рис. 1). На обеих сторонах амулета имеются изображения, нанесенные острым резцом. На одной стороне расположена трехстрочная надпись арабскими буквами. С другой стороны предмета изображен «магический квадрат» – квадратная фигура, разделенная линиями на 9 полей, в каждом из которых есть один цифровой знак арабского начертания от 1 до 9. Линии по горизонтали заполнены цифрами в следующем порядке: 4–9–2; 3–5–7; 8–1–6. Сумма трех чисел, расположенных по горизонтали, вертикали или диагонали квадрата, равна 15.

Если математический смысл арифметических операций стороны с изображением «магического квадрата» понятен, то интерпретация и перевод арабографической надписи, нанесенной на другой стороне амулета, до настоящего времени не проводились.

Надпись на амулете, найденном на Водянском городище, состоит из трех строк:

نام اي
لك
في اخ

Слова в первой и третьей строке были переведены как «безопасность» и «испуганный» соответственно (перевод предложен И. Ю. Лапшиной). В. С. Кулешов (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург), ознакомившись с надписью, предположил, что она связана с исламской охранительной молитвой-дуа, начинающейся словами:

ني فئ اخلا نام اي مهلا

«О Аллах, о безопасность [всех] испуганных!»

Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить, что такой амулет выполнял охранительную функцию для его владельца, а содержание надписей имело непосредственное отношение к исламу. Находки подобных амулетов на других городищах XIII–XIV вв. свидетельствуют о традиции использования данных изделий в качестве личных оберегов среди мусульманского населения золотоордынских городов.

Литература:

Кубанкин Д. А., 2019. Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань-Кишинев. С. 443–462.

Лапшин А. С., 2016. Археологические исследования на Водянском городище // Археологические открытия 2014 года. М. С. 188–191.

Огудин В. Л., 2002. Магия в бытовом исламе // Этнографическое обозрение. № 4. С. 65–82.

Пигарев Е. М., Скисов С. Ю., 2007. Магический квадрат в городской культуре Золотой Орды // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов. № 5. С. 238–246.

Федоров-Давыдов Г. А., 1974. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века. М. С. 130–131.

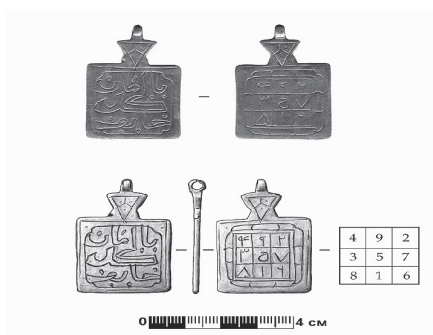

Рис. Водянское городище. Бронзовый амулет. Раскоп 1-2014, пл. 1, кв. 23А

Архитектурные памятники Натакамани и Аманиторе в контексте эпиграфических источников: проблемы локализации и датировки⁴

Лебедев М. А.,

*к. и. н., с. н. с. Отдела искусства и материальной культуры
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

Натакамани и Аманиторе – вероятно, наиболее яркие правители Мeroитского (Кушитского) царства в период его последнего расцвета в I в. н. э. Именно при них был начат и активно реализовывался, возможно, один из самых масштабных и хорошо спланированных проектов по преобразованию и актуализации монументального ландшафта среднего течения Нила. Этот процесс наглядно иллюстрирует социально-экономические, политические и культурные особенности Классического мероитского периода (I в. до н. э. – II в. н. э.). При этом эпиграфические свидетельства – фактически единственные (и наиболее надежные) источники, позволяющие выявить в отдельных локальных монументальных ландшафтах безусловные следы активности Натакамани

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01802, <https://rscf.ru/project/22–28–01802/>.

и Аманиторе. Речь идет прежде всего об архитектурных элементах с надписями (стены, колонны, фрагменты архитравов), а также алтарях, подставках под священные предметы, стелах и некоторых небольших артефактах. Всего к настоящему моменту нам известно более 40 упоминания Натакамани, Аманиторе и их сыновей – Ариканхарора, Шоркарора и Архатани – в эпиграфических источниках на египетском и мероитском языках. Каждый такой пример – это случай упоминания имени или имен правителей в конкретном археологическом контексте. В основе выделения контекстов лежат принципы археологической стратиграфии, используемые при формировании матрицы Харриса. Они применимы как к археологическим слоям и объектам (отложениям, ямам, траншеям и др.), так и к архитектурным памятникам.

Известная сегодня география обнаружения имен соправителей очень широка: Амара, Саи, Табо, Напата (Гебель Баркал), Дангейл, Мероэ, Аулиб, Абу Эртейла, эль-Хасса, Мувейс, Вад Бен Нага, Нага и, возможно, Мусавварат эль-Суфра. Другие свидетельства, прежде всего иконографические и архитектурные, позволяют предположить, что правящая чета могла также реализовывать строительный проект в Дуанибе.

В большинстве центров, где задокументирована активность Натакамани и Аманиторе, речь шла о строительстве, перестройке или подновлении культовых построек (так было в Амаре, Табо, Напате, Дангейле, Мероэ, Аулибе, Абу Эртейле, эль-Хассе, Мувейсе, Вад Бен Наге, Наге, на острове Саи и, возможно, в Мусавварат эль-Суфра и Дуанибе). На некоторых памятниках, как мы сегодня знаем, велось также строительство связанных с храмами дворцовых комплексов или элитных резиденций (Напата, Аулиб, Абу Эртейла).

При этом возможности установления характера и масштаба строительной деятельности Натакамани и Аманиторе на конкретных памятниках сильно ограничены неполными данными относительно археологического контекста эпиграфических

источников той эпохи. Связано это как с различиями в стандартах документации раскопок, так и с обнаружением многих памятников во вторичных контекстах. На основе анализа археологических контекстов надписей времени Натакамани и Аманиторе автор доклада предлагает свою реконструкцию практики преобразования монументальных ландшафтов Мериотского царства в I в. н. э. и формулирует основные проблемы, стоящие в этой связи перед исследователями сегодня.

Новооткрытая арабская строительная надпись 1716 г. из дагестанского селения Урари

*Магомедова Х. М.,
бакалавр факультета востоковедения Дагестанского
государственного университета (Махачкала)*

Доклад посвящен содержанию обнаруженной в 2022 г. в мечети дагестанского (даргинского) селения Урари арабской строительной надписи, которая впервые вводится в научный оборот. Врезная надпись почерком «насх» датирована 1128 г. хиджры, что соответствует 1716 г. Характер строительных работ выражен в надписи арабским глаголом ‘аммара, которым в Дагестане обычно обозначали ремонтно-восстановительные работы (наряду с глаголом джаддада). Следовательно, текст составлен по случаю ремонта мечети, которая, несомненно, существовала в старинном селении Урари задолго до указанной даты. Исламизация западной части нынешнего Дахадаевского района Дагестана, где расположено селение Урари, относится к XIV–XV вв. В надписи приводится имя организатора ремонта мечети, который совершил паломничество в Мекку (хаджжи). Текст оканчивается известным хадисом, который часто сопровождает дагестанские эпиграфические памятники о строительстве либо ремонте мусульманских культовых сооружений.

Таблица из Шультуна: эпиграфический ключ к лунному календарю индейцев Майя

Науменко Я. А.,

к. физ.-мат. н., независимый исследователь

(Санкт-Петербург)

Индейцы майя доколумбовой эпохи широко известны своими математическими и астрономическими достижениями. В частности, неоднократно показано, что точность учета движения Луны, достигнутая в лунном календаре майя, как минимум не хуже лучших образчиков античной и средневековой астрономической мысли Старого Света. Однако, несмотря на то, что лунный календарь майя (т. н. Лунная серия) известен уже более века, конкретный математический механизм, обеспечивающий столь выдающуюся точность, был неясен. В частности, это не позволяло использовать информацию, содержащуюся в Лунной серии, для датировки надписей с плохо сохранившейся календарной компонентой.

Выполненный ранее детальный математический анализ лунных дат, основанный на базе данных, собранной С. В. Вепрецим, позволил автору установить, что точность календаря обеспечивалась введением с определенной периодичностью дополнительных дней (5 дней на 162 Луны), удлинняя тем самым среднюю длину синодического лунного месяца. Функционально подобные дни абсолютно аналогичны високосным дням григорианского календаря.

Так называемая «шультунская таблица» позволяет сделать следующий шаг в понимании принципов функционирования лунного календаря майя. Данная таблица была обнаружена в рамках археологической экспедиции под руководством В. Сатурно в 2011 году в составе ансамбля фресок Здания 10К-2 городища Шультун. Она представляет собой плохо сохранившийся ряд из 27 чисел с сопоставленным каждому числу знаком лунного

триместра. Мы покажем, что данная таблица является прикладным математическим инструментом, предназначенным для вычисления Лунной серии для любой, наперед заданной, даты, что позволяет эффективно установить внутреннее устройство лунного календаря майя. Также будет продемонстрирована реконструкция практики ручного расчета Лунной серии с использованием шультунской таблицы.

Надпись на Солтыковском блюде из Прикамья и орхоно-енисейская руника

Понарядов В. В.,

к. филол. н., с. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

(Сыктывкар)

В первой половине XIX в. в Прикамье было найдено средневековое серебряное блюдо иранской работы, которое сначала попало в коллекцию князя П. Д. Солтыкова, а затем в собрание Кабинета монет и древностей Национальной библиотеки в Париже. Там оно было изучено Я. И. Смирновым, который опубликовал его описание и изображение в атласе «Восточное серебро». Еще раньше изображение блюда по имевшимся в распоряжении Я. И. Смирнова прорисовкам появилось в статье А. А. Спицына «Шаманские изображения». Шаманские изображения на блюде имеют угорский облик и были процарапаны на нем вторично, причем с правой стороны от них обнаруживается руническая надпись, нанесенная, очевидно, одновременно с шаманскими изображениями. Надпись была рассмотрена в контексте рунических письменностей евразийских степей И. Л. Кызласовым, который считал возможным отнести ее по формальным признакам к памятникам «доно-кубанского письма». Однако географически камские находки сильно удалены от окрестностей рек Дона и Кубани, откуда происходят другие образцы восточноевропейской руники,

и на разделяющих их обширных территориях рунические памятники не обнаруживаются. Предпринятая О. А. Мудраком попытка прочтения этой надписи вместе с другими памятниками, относимыми к восточно-европейской рунике, с помощью осетинского языка была признана откликнувшимися на нее исследователями неудовлетворительной.

Немного запутывает ситуацию с надписью на солтыковском блюде то, что в атласе Я. И. Смирнова, помимо ее воспроизведения на изображении блюда, она приведена еще рядом в увеличенном виде в двух вариантах: один, шестизначный, повторяет то, что видно на изображении блюда; второй, семизначный, имеет слева еще один дополнительный знак полукруглой формы; кроме того, третий слева знак отличается наличием дополнительной черты. И. Л. Кызласов считает, что первый вариант представляет собой прорисовку, выполненную французским художником Л. Сейе, который рисовал предметы для атласа Я. И. Смирнова, а второй принадлежит самому Я. И. Смирнову. Как бы то ни было, состав знаков надписи в обоих вариантах прорисовки примечателен тем, что не содержит никаких специфических «восточноевропейских» рунических символов, но все ее знаки имеют графические параллели в хорошо изученной восточно-тюркской орхоно-енисейской рунике.

Если предположить, что рассматриваемый памятник записан посредством именно орхоно-енисейской руники, то чтение первого из его опубликованных вариантов по обычным для нее правилам дает осмысленную фразу на древнем коми или прапермском языке: $s1 \dot{i} l2 (\ddot{a}) n2 p \dot{i} = sijep \dot{r}i$ ‘его сын’, что согласуется с наличием на блюде «шаманского» изображения двух человеческих фигур, которые могут изображать отца и сына.

Разумеется, правильность предложенного пермского чтения этой краткой надписи пока остается под вопросом, тем более что оно подходит только к одному из опубликованных вариантов ее прорисовки. Однако то, что она выполнена на автохтонном

для региона пермском языке посредством обычной восточно-тюркской руники, представляется довольно вероятным.

**Знаки на неолитической керамике Китая
в контексте надписей на керамике из Иньсюя:
к вопросу о маркерах письменности**

*Сафин Т. А.,
к. и. н., н. с. Отдела Китая ФГБУН Институт
востоковедения РАН; доц. кафедры всеобщей истории
ИОН РАНХиГС (Москва)*

На неолитической керамике Восточной Азии встречаются графические знаки, сущность которых на данный момент не до конца ясна. Они могут быть образцами древней письменности (т.е. записывать звуки и слова человеческой речи), «протописьменности» (как бы мы ни определяли это понятие) или же знаками, которые напрямую не связаны с развитием собственно письменности. Как правило, неолитические надписи на керамике сопоставляются с «надписями на гадательных костях» (цзягувэнь) XIII–XI вв. до н.э., которые представляют собой тексты, несомненно написанные на древнекитайском языке. При сопоставлении с ними неолитической керамики в глаза бросается, во-первых, наличие похожих знаков, а во-вторых – отсутствие или же незначительное количество (в зависимости от культуры и периода) длинных комбинаций хотя бы из 4–5 знаков. Эти особенности заставляют многих исследователей считать некоторые неолитические знаки «протописьменностью», от которой происходят позднейшие цзягувэнь. Однако если мы обратимся к надписям на керамике из Иньсюя, где обнаружено большинство цзягувэнь, можно обнаружить, что:

1) Несмотря на то, что данные надписи создавались в то же время и в том же месте, что и надписи на гадательных костях,

большинство надписей на керамике из Иньсюя состоит из одного-двух знаков, как и на неолитических памятниках. Количество более длинных надписей также незначительно.

2) Некоторые знаки графически идентичны иероглифам цзягувэнь, но примеры их употребления в надписях на гадательных костях зачастую либо не проясняют их появление на керамике, либо вступают в противоречие с употреблением на керамике.

Эти явления заставляют, во-первых, утверждать, что отсутствие пространных текстов на керамике не может являться маркером наличия или отсутствия письменности. А во-вторых, предполагать, что знаки на керамике могут представлять собой альтернативную знаковую систему, существовавшую параллельно с письменностью для записи древнекитайского языка.

Топонимика области Верхней Усумасинты по эпиграфическим памятникам древних майя

Сафронов А. В.,

*к. и. н., доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва)*

Область Верхней Усумасинты, расположенная в настоящее время на границе Мексики и Гватемалы, являлась одним из важных центров политической жизни древних майя в классический период (III–IX вв.). К VI в. здесь сложилось несколько крупных царств, которые боролись за доминирование в регионе (Пачан, Йокиб), и ряд небольших политий (Ак'е, Шукальнах, Лакамтун и др.), входивших, как правило, в сферу влияния крупных царств.

Династическая история данного региона довольно неплохо реконструируется благодаря сохранившемуся корпусу монументов с иероглифическими надписями, преимущественно из крупных археологических памятников, прежде всего Йашчилана,

Пьедрас-Неграс, Бонампака. При этом наиболее освещенным в текстах является поздний классический период (VII–VIII вв.), поскольку только к началу VII в. установка царских монументов приобретает массовый характер, а содержание надписей становится более подробным.

Однако одним из наиболее проблемных аспектов в исследовании эпиграфических памятников майя является комплекс топонимов и его локализации на местности. Ряд событий, упоминающихся в текстах, титулы происхождения членов царского дома, местной знати и захваченных пленников так или иначе связывались с различной местностью, объектами, селениями, зданиями и т.п., однако их локализация зачастую являлась крайне проблематичной. Прежде всего надежная ассоциации топонимов с археологическим памятником возможна при условии наличия в нем надписей с указанием данного топонима, однако в культурной традиции майя иероглифические надписи являлись исключительно привилегией царей, поэтому монументы устанавливались, как правило, в политическом центре царства. Впрочем, для региона Усумасинты были характерны особые привилегии местной знати – князей, наместников-сахалей, которые позволяли им устанавливать собственные монументы, и с VI в. в данной области появляется значительное количество нецарских эпиграфических памятников. Поэтому вполне возможна локализация древних названий, упоминаемых в надписях административных центров 2-го уровня. Тем не менее в связи с общей слабой археологической исследованностью области Верхней Усумасинты надежная локализация упоминаемых в надписях топонимов в целом представляет сложную задачу.

В докладе автор постарается представить особенности анализа топонимики в надписях древних майя, критерии и подходы к локализации топонимов (район событий, этимология топонима и ассоциация с характером местности, современные топонимы и их возможное древнее происхождение), а также рассмотрит

конкретные примеры упоминания топонимов в эпитафических памятниках майя Верхней Усумасинты и их роль в исследовании исторической географии древних майя классического периода.

К вопросу о придворном титуле на панели К'ан-Ток (Паленке, Мексика)

*Секачева Д. С.,
м. н. с. Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова
РГГУ
(Москва)*

Панель была обнаружена в группе помещений, маркированной номером XVI на современной карте археологического памятника Паленке (штат Чиapas, Мексика). В ходе раскопок было обнаружено 6 помещений, построенных на трех террасах естественного происхождения. В помещении 2 были найдены многочисленные фрагменты барельефа из известняка, большая часть которых сохранилась довольно неплохо. Как было установлено, около 75% фрагментов относились к панели К'ан-Ток, другие, вероятно, – к трем другим сильно поврежденным панелям⁵. Несмотря на сложности с восстановлением целостности всего текста, существующие 10 фрагментов повествуют о повторяющемся назначении придворных царями Паленке на некую должность на временном отрезке как минимум в 332 года, начиная с самых ранних правителей. В большинстве случаев фраза выглядит следующим образом: интервальное число – циклическая дата – k'alhu' n tu-baah – (ajaw) – титул – имярек – K'an Tok Waweeel – ukabjiiy – имя правителя Паленке.

Среди исследователей существует мнение, что на панели К'ан-Ток присутствует один из вариантов записи не дешифрованного придворного титула, получившего в историографии

⁵ *Bernal Romero, G.* El Tablero de K'an Tok: una inscripción glífica maya del Grupo XVI de Palenque, Chiapas en 2009. P. 29.

название «птица в повязке». Одним из первых на это указал Д. Стюарт. В своей работе, посвященной надписям из храма XIX, он представил различные варианты написания этого титула, включив в число примеров и тот, что представлен на панели из группы XVI. Помимо примеров непосредственно с панели К'ан-Ток в его подборку попал отдельный штуковый фрагмент без установленного контекста, который представляет собой один иероглифический блок с записью AJ- птица в повязке-AJAW⁶. Указав, что в случае с панелью запись выглядит необычно, автор отметил, что графическое сходство позволяет считать этот иероглиф одним из вариантов птицы в повязке. Следуя его доводам, Г. Берналь-Ромеро, С. Мартин, П. Биро, Б. Маклеод и др.⁷ в своих работах указывают на субституцию. Подобные выводы представляются не до конца убедительными, поскольку на фрагментах, атрибутированных как части панели К'ан-Ток, подобная запись не встречается. Более того, фрагменты были найдены археологами в разных помещениях группы XVI. Как упоминалось выше, панель была обнаружена в помещении 2, в то время как фрагмент с иероглифом птицы в повязке, выполненный из штука, а не из камня, – в помещении 1⁸.

⁶ Stuart D. *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque*. San-Francisco, 2005. P. 135.

⁷ Bernal Romero, G. El Tablero de K'an Tok: reconstrucción, análisis epigráfico e implicaciones historiográficas en una inscripción glífica maya del Grupo XVI, Palenque, Chiapas. P. 119; Stuart D. *The Inscriptions ...* P. 135; Martin, S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period 150–900 CE*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 95; Bíró, P., MacLeod, B., & Grofe, M. Hidden in Plain Sight: The Codical Sign T648 and its Forerunner T694 in Three Classic Period Contexts. *Estudios De Cultura Maya*, 55, (2020). P. 134.

⁸ Bernal Romero, G. El Tablero de K'an Tok: reconstrucción, análisis epigráfico e implicaciones historiográficas en una inscripción glífica maya del Grupo XVI, Palenque, Chiapas. P. 153; Bernal Romero, G. *El Tablero de K'an Tok: una inscripción glífica maya del Grupo XVI de Palenque, Chiapas* en 2009. P. 103.

Построение схемы записи формуляра жалованных грамот династии Гахадавала (Северная Индия, XI–XII вв.)

Столяров А. А.,

*к. и. н., старший научный сотрудник Отдела искусства
и материальной культуры ФГБУН
Институт востоковедения РАН (Москва)*

В докладе проверяется схема записи формуляра жалованных грамот, выработанного в отношении жалованных грамот династий Восточной Индии – Бенгалии и Бихара, таких как династия Пала, династий «ближнего круга»: Чандра, Вармана и Сена, а также разрозненные периферийные династии.

Надобщинная структура наду в южноиндийском царстве Паллавов по данным эпиграфики

Тарасюк Я. В.,

*к. и. н., торговый представитель Российской Федерации
в Эфиопии (Москва)*

В эпиграфике Паллавов VI–IX веков н. э. встречаются упоминания о территориальном образовании наду, которое в отдельных случаях было объединением сельских и городских общин, а также княжеством местных правителей.

В статье рассматриваются варианты составов наду, их взаимодействие с царской властью и другими общинно-территориальными образованиями, а также возможные внешние факторы, которые оказывали влияние на развитие наду. К этим факторам, характерным именно для периода правления Паллавов и последующих династий, могло относиться распространение храмовых культов и религиозных владений, а также реализация ирригационных проектов.

Принципы передачи личных имён в двуязычных греко-финикийских надписях

Тимофеев В. С.,

студент магистратуры ИКВИА НИУ ВШЭ (Москва)

Хижнякова С. О.,

студент магистратуры ИКВИА НИУ ВШЭ (Москва)

Финикийская и греческая культуры в течение всего I тыс. до н. э. находились в очень близком взаимодействии. Одним из примеров тесных связей между ними было широко распространённое двуязычие. На раннем этапе, очевидно, многие греки знали финикийский; на это указывает, в том числе, сам факт заимствования финикийского письма. На позднем этапе, наоборот, многие финикийцы говорили на греческом. Подтверждением служат двуязычные надписи, относящиеся в основном к IV–I вв. до н. э. В этих надписях греческий текст редко воспроизводит финикийский оригинал буквально. Как правило, он представляет собой довольно краткий пересказ. При этом в отношении личных имён наблюдается две стратегии. Первая заключается в фонетической передаче финикийского имени греческим алфавитом. Например, Эшмуншиллем 𐤀𐤍𐤌𐤍𐤏𐤍𐤌𐤍 – Ἐσμῦσελήμος (КАI 59). Такие случаи интересны тем, что позволяют реконструировать фонетический облик имён. Вторая, более любопытная, стратегия предполагает, что имена финикийцев как бы «переводились» на греческий язык. В надписи из Афин (КАI 55) финикиец Бенходеш 𐤁𐤏𐤍𐤏𐤍𐤏 «сын новолуния» в греческом тексте стал Нумением Νουμήνιος «новолунный». Поскольку подавляющее большинство финикийских имён теофорные, то подбирались греческие имена, образованные от имени греческого божества со схожими функциями. Так, Шамашу соответствовал Гелиос (КАI 53), Астарте – Афродита (КАI 54), Ба’алу – Зевс (КАI 60) и т. д. В результате теофорному компоненту финикийского имени напрямую соответствовал теофорный компонент греческого имени. Но второй

компонент обычно не переводился. Например, финикийскому עַבָּד «раб» в именах типа 'Абдитанит עַבְדִּי־תַנִּית «раб Танит» могло соответствовать греческое $\delta\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ «дар», в данном случае Артемидор Αρτεμίδωρος «дар Артемиды» (КАИ 53). В других случаях двухкомпонентному финикийскому имени подбирался однокомпонентный греческий аналог, как в надписи из Афин (КАИ 54): 'Абди'аштарт $\text{עַבְדִּי־אַשְׁתַּרְתַּרְתַּ$ «раб Аштарты» – Афродисий Αφροδίσιος «Афродитин». Из этих наблюдений можно сделать следующие выводы:

1. Эллинизированные финикийцы наряду с родным именем могли иметь и греческое.
2. Это имя выбиралось по принципу соответствия греческого божества финикийскому.
3. Значение второго компонента имён при этом не принималось во внимание.

О выражении $\text{bars t\ddot{a}gim-\ddot{a}}$ в древнетюркской рунической надписи Алтын Кель I

Тишин В. В.,

*к. и. н., с. н. с. Отдела истории Востока
ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)*

Надпись древнетюркским руническим письмом на стеле с территории Хакасии, именуемая по месту обнаружения первой Алтын-кельской, известная в общем классификационном реестре под индексом Е 28, представляет собой одну из наиболее значительных эпитафий подобных памятников енисейского бассейна. Несмотря на типологическую для этого жанра локальных древнетюркских рунических памятников общую структуру и содержание, порядок и, следовательно, нумерация строк надписи определяется исследователями различно. Одна из них содержит упоминание в качестве объекта расставания меморианта, от лица которого

написан текст, сочетание $blrlslt2gMA$, общий облик которого позволяет распознать в концовке аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч. $+(X)m$ с вокативным аффиксом $+A$. Еще В. В. Радловым здесь было идентифицировано прочтение $bars\ tägim$, истолкованное как 'барсовый род'. У исследователей нет единого понимания в толковании последнего элемента, читать ли его $täg$ именно так либо видеть здесь послелог $täg$ со значением подобия, с наличием контекстуального посессивного аффикса.

На основе своего прочтения В. В. Радлов интерпретировал таким же образом сочетание $tägi$ в ряде древнеуйгурских юридических документов XIII–XIV вв., что впоследствии сэръ Дж. Клосон переинтерпретировал как аффикс $+täki$ (составной аффикс $+dA+KI$). События читать $tägi$ в надписи Алтын Кель I и интерпретировать его как социальный термин преодолевается невозможностью обосновать озвончение второго согласного в падежной форме на материалах древнетюркской письменности енисейского бассейна. Типологический термин обнаруживается в ряде тюркских языков, где второй согласный приобретает звонкий характер при добавлении аффикса, начинающегося на гласный: казахское тек 'род, поколение, происхождение', теги 'его род', тектi 'хорошего происхождения', тексiз 'человек дурного происхождения, плохой человек', кыргызское тек 'происхождение (по рождению)', каракалпакское тек 'род, порода', 'происхождение', tegi 'его род', ata tegi 'социальное происхождение', tekli 'родовитый, породистый', новоуйгурское тэкти 'основа, происхождение'. Для памятников древнетюркской рунической письменности такого озвончения не зарегистрировано. В ином случае даже в этом памятнике был бы соблазн переинтерпретировать следующее слово, однородный член, $ärdämligim-ä$.

Среди типологических примеров в енисейских надписях выступает фраза в памятнике Хербис-Баары (E 59, стк. 6) $elim\ qanım-a\ tängri\ tägim\ jita\ bökmäd[i]m$ 'страна (моя), хан (мой), ах! Небу подобный (мой), о горе! не насытился (я)'.

Большее внимание к грамматике памятников, осторожность и сдержанность в толкованиях позволяет пресечь появление ответственных, но гипотетических выводов исторического характера.

**Эстампажи А. В. Адрианова в фонде Центральной Азии
и Сибири ИВР РАН**

Туранская А. А.,

к. филол. н., исследователь-стажер

Института лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург)

Имя Адрианова Александра Васильевича (1854–1920), сибирского просветителя, этнографа, путешественника и археолога, неразрывно связано с исследованиями древнетюркских рунических памятников енисейской письменности и петроглифов Сибири. Начавший исследовать эти памятники еще в 1880-е г., он собрал огромный материал, в силу различных исторических причин сосредоточенный в архивах и фондах разных научных учреждений России. В Фонде Центральной Азии и Сибири Института восточных рукописей РАН хранится лишь малая, но вместе с тем крайне ценная часть его коллекции, а именно 105 эстампажей енисейских рунических памятников. Копии 30 памятников, изготовленные за период с 1904 по 1916 г., имеют особую ценность для исследователей древнетюркской культуры и истории. Представленный доклад посвящен описаниям копий, истории их изготовления, а также истории поступления в коллекцию ИВР РАН.

Элементы оформления датированных мусульманских эпиграфических памятников г. Солхат/Кырым

*Усеинов М. А.,
лаборант-исследователь Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан (Казань)*

В работе рассмотрены известные на сегодняшний день датированные мусульманские эпиграфические памятники, обнаруженные в г. Старый Крым и относящиеся к XIII–XV вв. Исследованные памятники хранятся в музеях Старого Крыма, Санкт-Петербурга, Симферополя, Феодосии, Судака и в частных коллекциях. Также учтены ранее известные, но утраченные памятники. Общее количество исследованных датировок более ста. Из них 73 памятника либо сохранились, либо остались фотографии и рисунки, по которым можно воссоздать внешний вид памятника. В работе учитывались памятники, прочтение дат которых не вызывает сомнений. На 34 датированных лапидарных памятниках присутствуют элементы декоративного оформления, в том числе различные орнаменты и розетки.

Около половины датированных памятников относится к 40–80-м годам XIV века – периоду наибольшего расцвета и, по-видимому, максимальной численности населения города Солхат/Кырым, а также периоду, связанному с потрясениями междоусобицы, приведшей к увеличению смертности.

В докладе приводятся результаты исследований хронологического распределения памятников, в котором выявлены закономерности и аномалии, связанные как с типологией и формой надгробий, так и с элементами оформления памятников. Обнаружено несколько маркеров, которые помогут в будущем определить временные рамки памятников, чья датировка под вопросом.

Иранские имена личные в средневековой эпитафике Нагорного Дагестана

*Хатизов Ш. М.,
к. и. н., с. н. с. отдела этнографии Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН (ИИАЭ ДФИЦ РАН)
(Махачкала)*

*Шехмагомедов М. Г.,
н. с. отдела востоковедения Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского федераль-
ного исследовательского центра РАН (ИИАЭ ДФИЦ РАН)
(Махачкала)*

Влияние Ирана на Кавказе, проявляющееся в самых разных сферах материальной и духовной культуры, сложно переоценить. Нам хотелось бы остановиться на некоторых примерах выявления среднеперсидских имен личных в арабоязычной эпитафике Дагестана, поскольку это наиболее надежный источник фиксации антропонимии. В ходе комплексного исследования эпитафики Нагорного Дагестана в разных аварских населенных пунктах нами были выявлены подобные примеры среди эпитафий XV–XVI вв. Памятники более позднего периода были нами пропущены, поскольку целью являлось показать ранний характер этого явления, предшествовавший Сефевидскому влиянию, когда политическое и культурное влияние Ирана на Восточном Кавказе заметно возросло. Почти все приводимые нами эпитафические памятники выявлены авторами, а тексты их ранее не публиковались, за исключением хунзахской надписи, которая была прочитана лишь фрагментарно, т. е. всего лишь две строки. Ниже приводятся описания памятников и переводы 6 эпитафий.

1. На северной окраине Хунзаха (центр Хунзахского района РД), на древнем кладбище квартала Самилах, расположена

надмогильная плита, изготовленная из плотного известняка. Ее поверхность богато орнаментирована и содержит надписи в центральном поле и по периметру. Нами была выявлена надпись и на оборотной стороне плиты, где оказалась и дата изготовления памятника. Приводим перевод трех частей эпитафии.

Надпись в центральном поле:

Обладатель этой могилы – Гургилав Ивани сын Гурги, которого именовали Бахсаном. Обладатель рабов, имущества, богатств и побед в сражениях.

Надпись на оборотной стороне плиты:

Дата – в году восьмисот пятом (с 9.08.1402 по 27.07.1403).

2. На кладбище сел. Ириб Чародинского района РД была выявлена плита, изготовленная из речного валуна серого цвета. Эпитафия датируется нами началом XV в. Перевод:

Смерть – истина, а жизнь – обман. Смерть – это чаша, из которой [суждено] испить всем людям. Это – могила Хал-Багатара, сына Джама.

3. Рядом с вышеуказанным памятником имеется аналогичная плита с синхронной эпитафией. Перевод:

Смерть – истина, а жизнь – обман. Смерть – это чаша, из которой будут пить все люди. Это – могила Б-д-л.

4. На кладбище средневекового поселения Кверсах (около сел. Нижний Арадерих Гумбетовского района РД) нами была выявлена надмогильная плита из белого плотного известняка с надписью XVI в. Перевод:

Обладатель могилы – Кусан, сын Симтана в году 960 (начался 27.12.1552 г.).

5. К северо-западу от кладбища сел. Сачада Чародинского района РД, выше ограды вне ее стен расположена могила, огороженная каменной стеной. На надмогильной плите имеется надпись XVI в.:

Обладатель этой могилы – кади (къади) Давуд сын Ахзитана, да простит их Аллах. ...

6. В селении Нукуш Чародинского района выявлена высокая и узкая плита из речного валуна, на которой имеется надпись, датируемая нами по палеографическим признакам XVI в. Перевод:

Обладательница этой могилы – Фатимат дочь Урузмага, да простит Аллах их грехи.

В приведенных выше эпитафиях выявлены иранские имена:

1. Гусан (парфян. Gossan – «менестрель», «поэт–музыкант»).
2. Ахситан (от авест. ksatra – «царство, господство»; ср. с алан. Axsartag – один из героев нартовского эпоса).
3. Бахсан (парфян. Baxtsasan – «(обладающий) счастьем Сасана»).
4. Багатар (алан. «рыцарь, богатырь»).
5. Бадел (мифический первопредок осетинских феодалов Дигора).
6. Джам (представлено в древнеиранском эпосе).
7. Урузмаг (алан. «дикий кабан»).

Исследование надписей и изображений на кальцитовых канопах из гробницы вельможи Чаи (ТТ 23) в Луксоре

*Ярмолович В. И.,
к. и. н., н. с. Центра египтологических исследований РАН
(Москва)*

*Макеева Н. В.,
старший преподаватель Санкт-петербургского
государственного университета (Санкт-Петербург)*

С 2006 г. Российская археологическая экспедиция в Луксоре проводит комплексное исследование гробницы чиновника Чаи (ТТ 23). Она находится в Долине вельмож на западном берегу Нила в Луксоре. Её владелец был начальником царской

канцелярии во времена правления фараона Меренптаха (конец XIII в. до н.э.; эпоха Нового царства).

Гробница состоит из пилона, открытого двора с крытой колоннадой, скальных помещений и коридора, ведущего к погребальной камере. В ходе археологических раскопок помещений гробницы было найдено большое количество различных предметов погребального инвентаря и быта, архитектурных деталей, мумифицированных человеческих останков. Среди них были фрагменты кальцитовых (египетского алебаstra) расписных каноп, которым предполагается посвятить этот доклад. В ходе раскопок удалось собрать их венчики и часть тулов, которые украшены изображениями и заупокойными формулами. Для их изучения будут привлечены расписные канопы с других памятников Египта, а также рельефы и росписи из гробниц Нового царства.

Academician K. Tsereteli – Researcher of the Old Aramaic Epigraphy of Georgia

*Giunashvili H.,
Ph.D., senior researcher G. Tsereteli Institute of Oriental
Studies/Ilya State University (Georgia)*

In 2021, the 100-year anniversary of the outstanding Georgian Semitist, Academician Konstantin Tsereteli (1921-2004) was widely celebrated in the scholarly world.

K. Tsereteli's works on Aramaic language and dialectology are considered as great contributions to Semitic linguistics. It is generally recognized that K. Tsereteli's works in Aramaic dialectology laid the foundation for further extensive research in this field, serving as an impulse in the world of Oriental Studies. K. Tsereteli was honorably considered as a father of Neo-Aramaic dialectology, as attested by the numerous reviews and pronouncements in his studies.

However, apart from comparative Semitics and dialectology, Old Aramaic epigraphy of Georgia also became an important topic of K. Tsereteli's research – the theme that was very essential for the history of pre-Christian Georgian culture.

Old Aramaic was one of the principal written languages (alongside with Greek) of Ancient East Georgia (Iberia) before the adoption of Christianity (IV AD). A number of original Aramaic (Arameographic) inscriptions were found in Mtskheta, the capital of Iberia and its locality (Armazi, Bagineti), as well as other ancient historical places of East, Central and West Georgia.

The tradition of linguistic-paleographic studies of Old Aramaic epigraphy in Georgia is related to the name of the prominent Semitist, Academician George (Giorgi) Tsereteli (1904-1973), the founder of the Georgian scientific school of Oriental Studies, and was successively continued by his distinguished disciple, K. Tsereteli, who offered several works on newly-discovered Aramaic (Arameographic)

inscriptions of Georgia: in Uplistsikhe (III-I BC), Dedoplis Gora (I BC) and Urnisi (II AD).

It is widely accepted for the present, that Aramaic inscriptions of Georgia are executed in a variety of the North-Mesopotamian type of Aramaic script, one of the outgrowths of the Imperial (Official) Aramaic writing.

The main trends of the rise and development of the Armazian writing as one of the original varieties of the North-Mesopotamian Aramaic script-type were considered in K. Tsereteli's substantial publication "Armazian Script" (1991, 1996).

In K. Tsereteli's works, innovative theoretical assumptions were presented about the Georgian type of Old Aramaic script by distinguishing three stages in its evolution: Pre-Armazian (III-II BC). This script was very close to the Official (Imperial) Aramaic and was considered as the antecedent of the Armazian, Early Armazian (I BC), which showed more archaic features than later monuments, and the classical Armazian (I-III AD).

By considering rich factological material, K. Tsereteli outlined common trends of the Armazian script type development in the South Caucasus: in III-II BC, a variety of the Old Aramaic script begins to be formed in this region and took its final shape in the I BC. In Georgia "Armazian" type of Aramaic writing (I-III AD) was raised, typologically similar to the Ancient Aramaic script of Armenia but not wholly its identical.

K. Tsereteli devoted the most important work (1992) to the famous Armazian bilingual (II AD), where on the basis of previous and contemporary Semitic and Iranological readings he has definitely shown that the language of the inscription was doubtlessly Aramaic.

The paper presents K. Tsereteli's contributions to all the Old Aramaic Studies.

Список участников конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева»

Абдулмажидов Рамазан Султанович

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (Махачкала, Россия).

e-mail: ramazana@yandex.ru

Барсуков Евгений Олегович

Центр египтологии РГГУ (Москва, Россия)

Белек Кайрат

Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

e-mail: kairat.belek@manas.edu.kg

Беляев Дмитрий Дмитриевич

Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета РГГУ, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

e-mail: lakamha@mail.ru

Березкин Ростислав Владимирович

Институт гуманитарных исследований Фуданьского университета (Шанхай, КНР); Институт Востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: berezkine56@yandex.ru

Бобровников Владимир Олегович

Институт востоковедения РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ (Москва, Россия) vladimir_bobrovn@mail.ru

Борисова Галина Александровна

Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова (РГГУ) (Москва, Россия)

e-mail: mutemuia@gmail.com

Васильев Михаил Евгеньевич

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

e-mail: mvhumanity@gmail.com

Вепрецкий Сергей Викторович

Отдел Америки, ИЭА РАН; Учебно-научный Мезоамериканский
центр им. Ю.В. Кнорозова (РГГУ) (Москва, Россия)

e-mail: servepr@gmail.com

Гайнутдинов Айдар Марселевич

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики
Татарстан (Казань, Россия)

e-mail: aydargm@yandex.ru

Гожева Наталия Анатольевна

Государственный музей Востока (Москва, Россия)

e-mail: natalina38@yandex.ru

Давлетшин Альберт Иршатович

Институт восточных культур и античности РГГУ (Москва,
Россия)

e-mail: aldavletshin@mail.ru

Демидчик Аркадий Евгеньевич

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный универси-
тет»; ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследователь-
ский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: a.demidchik@spbu.ru

Дубровская Динара Викторовна

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: distan@gmail.com

Зайцев Иван Алексеевич

Институт мировой экономики и международных отношений РАН
(Москва, Россия)

e-mail: kouaun6803@gmail.com

Закарияев Замир Шахбанович

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

e-mail: zzakariyaev@yandex.ru

Кашовская Наталья Васильевна

Музей истории религии (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: kashnat@mail.ru

Колнин Илья Сергеевич

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: minmi98@yandex.ru

Кормышева Элеонора Ефимовна

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: eleonora45@mail.ru

Куликов Дмитрий Евгеньевич

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: vostok1991@yandex.ru

Лаврентьев Николай Вадимович

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

Лапшин Андрей Сергеевич

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: a.lapshin@ivran.ru

Лапшина Ирина Юрьевна

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (Волгоград, Россия)

e-mail: ilapsh97@inbox.ru

Лебедев Максим Александрович

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: maksim_lebedev@yahoo.com

Магомедова Хадижат Магомедовна

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Макеева Наталья Валентиновна

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: nataliam.makeeva@gmail.com

Науменко Ян Александрович

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: jan.pilatus@gmail.com

Понарядов Вадим Васильевич

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

e-mail: vadim.ponaryadov@yandex.ru

Сафин Тимур Альфредович

Институт востоковедения РАН; ИОН РАНХиГС (Москва, Россия)

e-mail: tamerlane93@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

e-mail: alexsafronov@bk.ru

Секачева Дарья Сергеевна

Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова (РГГУ) (Москва, Россия)

e-mail: daria.baida@gmail.com

Столяров Александр Александрович

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: astol007@gattamelata.com

Тарасюк Ярослав Викторович

независимый исследователь (Москва, Россия)

e-mail: kuisarat@rambler.ru

Тимофеев Владимир Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

e-mail: themistogenes@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: tihij-511@mail.ru

Туранская Анна Александровна

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: turanskaya@mail.ru

Усеинов Мемедула Адилевич

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

e-mail: memedulla@list.ru

Целуйко Максим Сергеевич

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

e-mail: atharvan@mail.ru

Чиж Никита Сергеевич

Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

e-mail: n.s.chizh@yandex.ru

Хапизов Шахбан Магомедович

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (Махачкала, Россия)

e-mail: markozul@mail.ru

Хижнякова Станислава Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

e-mail: h.stasya@gmail.com

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (Махачкала, Россия)

e-mail: shehmagomedov@mail.ru

Ярмолович Виктория Игоревна

Центр египтологических исследований РАН (Москва, Россия)

e-mail: viktoriya.yarmolovich@yandex.ru

Giunashvili Helen

G. Tsereteli Institute of Oriental Studies/Ilya State University (Тбилиси, Грузия)

e-mail: elene.giunashvili@iliauni.edu.ge

Редактор-корректор Н. Сидоркина, верстка Н. Быкова

Подписано в печать 04.10.2023. Формат 60x90/16

Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 60 экз.

Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 2,8.

Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский центр

Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «Белый Ветер»

115093, Москва, ул. Щипок, д. 28

тел. (495) 651-84-56